

Наследие Древних

16+

Николай Липницкий

Николай Иванович Липницкий

Наследие Древних

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45168351

SelfPub; 2019

Аннотация

Человечество не догадывается, что в течении всего периода цивилизации с ним рядом проживает другая раса. Раса Кураторов, призванная помогать людям и оберегать их от детских болезней и роковых ошибок. Так велели Древние, создавшие жизнь в Солнечной системе. Но сами Кураторы раскололись на два непримиримых лагеря. Для одних – на первом месте Долг , а другие считают, что Древние создали их, как высший вид, а предназначение человека – быть рабом. Вечная война, в которой люди всего лишь фигурки на огромной шахматной доске под названием жизнь.

Содержание

Я – скальпель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Для оформления обложки использовалась иллюстрация с сайта Pixabay: <https://pixabay.com>

Я – скальпель

Её звали Фаиной. Откуда к нему пришло это знание, он понятия не имел. Как и не знал, кто она и откуда. Просто однажды, пару недель назад, она приснилась ему. Старое сморщенное лицо азиатского типа, неряшливые, растрёпанные седые космы и глубокие, словно бездна, чёрные глаза, казалось, заглядывающие прямо в душу. Всегда, после того, как она появлялась, он просыпался. И каждый раз, уже на самой грани яви и сна, он слышал: «Я жду тебя. Ты – избранный».

Межгалактический лайнер плавно пристыковался к орбитальному лифту.

– Дамы и господа! – раздался из ниоткуда мелодичный голос бортового компьютера. – Наш лайнер вышел на орбиту планеты Земля. Полёт окончен. Просьба всем вам оставаться на своих местах до выравнивания атмосферного давления в салоне и спускаемом модуле. Высадка начнётся после звукового сигнала. Дроиды-стюарды проводят вас к выходным шлюзам. Просьба соблюдать порядок. Помните: суеда и паника являются первыми причинами травм и летального исхода при посадке и высадке. Спасибо за внимание.

Повинуясь внезапному импульсу, я вышел из своей каюты в коридор и посмотрел в обзорный экран. Там, за дымкой облаков, летела сквозь космическое пространство Зем-

ля. Голубой шар, отсюда огромный, закрывающий половину видимого в иллюминатор космоса. А с Урана или Нептуна её практически и не видать. Что уж говорить о дальних галактиках, с которых в звёздном небе не то, что Землю или Солнце, Млечный путь не разглядеть. Сколько же я на ней не был? Десять лет? Нет. Пятнадцать. Как она меня встретит? Дверь пилотского отсека лайнера открылась, и оттуда вышел экипаж в сопровождении двух очаровательных стюардесс. Весело переговариваясь, они проследовали в комнату отдыха, мельком глянув на меня.

Рядом с укоризненным жужжанием сервоприводов оказался дроид в фирменной двухцветной серо-голубой окраске космокомпании. Сразу стало стыдно. Действительно. Попросили же не выходить из кают до сигнала. А я, словно новичок, выскочил в коридор и давай пялиться на родную планету.

– Извини, дружище. Виноват. Больше не повторится.

Я вернулся на своё место, сел и активировал новостную ленту на сетчатку глаза. Больше от скуки, чем от любопытства, просмотрел курс земного кредита к межгалактическому империалу, повышение стоимости Гелия-3 на межгалактической бирже, узнал о поимке банды контрабандистов на Плутоне и о криминальных разборках в Африкан-сити.

Ничего не меняется. Когда я покидал Землю, так же в этом супермегаполисе, занявшем всю Центральную Африку, свирепствовали мафиози, всё делившие и делившие сферы

своего влияния. Они там, наверное, никогда не успокоятся. Плутон всегда был базой контрабандистов, доставляющих запрещённые к ввозу или облагающиеся огромными налогами товары в обход пограничных и таможенных служб. И ловить контрабандистов лучше там, чем в межпланетном пространстве. У контрабандистов всегда были скоростные суда. Им закон не писан, как и безопасность полётов. А пограничники были вынуждены соблюдать ограниченный скоростной режим внутри Солнечной системы. Закон есть закон.

А Гелий-3 всё растёт в цене. Бедную Луну, наверное, досуха уже выжали. Что поделаешь? Такого изотопа больше нигде так и не встретили. А, ведь, это самое идеальное топливо для разгонных блоков межгалактических лайнеров. Конечно, его синтезируют в больших количествах, но отдача от такого искусственного материала гораздо ниже. Неудивительно, что все олигархи в обозримых галактиках заправляют свои яхты исключительно настоящим Гелием-3, несмотря на растущую, как на дрожжах, цену.

И всё-таки перемены есть. Ассоциация венерианских курортов выдвинула Земле требование срочно признать независимость Венеры. Толстый мужик в цветастой панаме, непрерывно и обильно потея, горячо доказывал, что население Венеры уже давно самодостаточно и не собирается делиться доходами от туризма. Тут же появился сухонький скучный человечек в старомодном костюме, который нудно возражал, доказывая, что двести лет терраформирования

планеты, превращения её из кислотного высокотемпературного ада в космический рай потребовали огромных усилий землян и бешенных затрат. Он приводил стоимость доставки только одного килограмма груза на орбиту Венеры в первое столетие колонизации, а потом умножал на общий вес только одного стратосферного завода по переработке метана. Действительно, сумма получалась колоссальная.

Рядом суежились вынужденные соседи, подсевшие на Марсе. Почтенное семейство, состоящее из лысенького, с кругленьким животиком, мужичка в смарт-очках древнейшей фирмы Самсунг-Нокиа, выполненных нарочито под старину, пышной женщины в комбинезоне с изменяемым рисунком и пухленького пацана в футболке с транслируемым на груди глупым мультиком про тверка, гонящегося за кулем. Этот мульт-сериал, созданный в федерации Кассиопеи, несмотря на полное отсутствие смысла, неожиданно завоевал бешеную популярность среди детей, захватывая одну галактику за другой и, видать, наконец, добрался до Солнечной системы. А, ведь, вряд ли кто-то тут видел этих представителей фауны Каиссы вживую.

Уж нарушение-то внутреннего распорядка лайнера для них не осталось незамеченным. Мужичок недовольно хмыкнул и постарался отгородиться за стёклами смарт-очков, что-то там подкрутив в настройках. Тоже новости, наверное, просматривает. Никогда я не понимал любителей этих гаджетов. И неудобно, и слететь могут в самый неподходящий

момент. Да и, зачем заморачиваться с ними, когда можно установить маленький чип в голову и смотреть всё необходимое прямо на сетчатке глаза? Процедура минутная, а удобств много. Женщина повела себя более агрессивно, неприязненно поведя пухлым плечом и пробормотав что-то про диких шахтёров с Нептуна, которые никогда не были в цивилизованном мире. А пацану всё было совершенно фиолетово. Он врубил игровой браслет и, откинувшись назад, рубился в какую-то, видимую только для него, игру.

Мелодичный сигнал, наконец, сообщил о том, что можно переходить в лифт. Я поднялся и, пропустив почтенное семейство вперёд себя, сам пошёл на выход. Саквояж плёлся за мной на своих маленьких колёсиках, стараясь не отстать. В коридоре его пытался оттеснить от меня монстроподобный чемодан, но не тут-то было. Мой верный спутник увернулся от удара тяжёлым пластиковым боком и рванул ко мне. Чемодан успокоился и, найдя своего владельца, поехал за ним. Вот и лифт. Пассажиры суетливо рассаживались в мягких креслах, с недовольством поглядывая на тех, кто ещё пробиравался по проходу. Полёт подходил к концу, и всем не терпелось обрести под ногами надёжную земную поверхность.

Я уселся на своё место и прикрыл глаза. Что меня ждёт на Земле? Зачем я туда лечу? Желание вернуться на Родину возникло внезапно, словно вспышка молнии, через неделю после того, как появился этот навязчивый сон, и стало та-

ким невыносимым, что я, не в силах сопротивляться, быстро уволился из экспедиционного корпуса, бросился в ближайшее агентство и купил билет на ближайший рейс к Земле. Благо, за пятнадцать лет моих скитаний по планетам в разных галактиках, накопилась вполне себе пристойная сумма. А, учитывая полное обеспечение на службе и аскетические условия тех мест, в которых приходилось бывать, тратиться, практически, не доводилось. Так что, я теперь богатый человек и могу позволить себе капризы. Например, вот такое спонтанное возвращение на Родину.

На выходе из лифта, у терминала возникла небольшая заминка. Пришлось остановиться. Зазевавшийся саквояж не успел затормозить и ткнулся мне в ноги, виновато пискнув. Я отмахнулся от него, как от живого существа и опять с нетерпением принялся глядеть вперёд. Стоящая рядом девушка с удивлением посмотрела на меня. Ну, да. Она же не видит в ботах ничего одушевлённого. Это, как наорать на опрокинувшуюся чашку с кофе, или отстегать плёткой сломавшийся флаер.

Я виновато развёл руками. Не рассказывать же ей, что последние полгода провёл один в разведывательной станции на орбите газового гиганта, и единственными моими собеседниками были боты и дроиды. Понятно, что после этого я уже не мог к ним относиться, как к неодушевлённому набору металла, стекла и пластика. Ну, или, как в случае с саквояжем, пластика и искусственной кожи.

А саквояж был хорош. Подарок старого друга, полкового балагура и шутника Мишки Верховенского, с покрытием, стилизованным под кожу рогатого буганского волка, он нередко приковывал взгляды и, порой, являлся причиной недоразумений на таможенных и пропускных пунктах. А что делать, если охота на это животное была запрещена, а на самой Бугани волк был чем-то вроде священного тотема? Вот и сейчас таможенники на терминале явно напряглись и стали более пристально посматривать на меня, хоть впереди и оставалось ещё несколько человек. Я вздохнул и заранее вывел на экран коммуникатора заключение эксперта, что кожа саквояжа искусственная и является ни чем иным, как стилизацией. Порой мне казалось, что саквояж, это просто очередная шутка Мишки на прощание.

Наконец, вот она, припортовая площадь, с памятником космическим первопроходцам, высоткой портовой гостиницы, существующей, преимущественно, для экипажей космолётов, стоянкой флаеров и эстакадой монорельса. Стандарт. Такую картину можно увидеть на выходе, практически, из любого космопорта любой галактики. Разве, что, памятники различаются, а то и вовсе отсутствуют. Люди поспешно расхватывали флаеры, кто-то побрёл к остановке монорельса, а кто-то остался ожидать, когда за ними прилетят.

Я встал на тротуаре, с завистью поглядывая на прибывших. Им везёт. Они уже дома. А мне надо ожидать вызванный по коммуникатору междугородний флаер и ещё лететь

километров пятьсот. А что поделаешь, если в моём городке всего восемнадцать миллионов жителей, и ему космопорт не положен. Слишком маленький и заштатный городишко. И так хорошо, что билеты до ближайшего порта нашлись. А могли, ведь, быть только до Майами-Вашингтон-сити, и лететь тогда пришлось бы аж через половину Земли. Посередине площади билась яркими кричащими красками голографическая реклама одного из венерианских курортов, скорее отталкивая, чем привлекая потенциальных клиентов.

Междугородний флаер завис над площадкой и мягко сел. Я подошёл к аппарели поднялся на борт.

– Простите, сэр, больше пассажиров не будет? – поинтересовался бортовой компьютер.

– Нет, поехали.

– Как скажете.

Аппарель поднялась, дверь с тихим вздохом закрылась и флаер стартовал.

– Если вы желаете перейти в ручной режим управления, прошу вставить в считыватель вашу лицензию пилота, – учтиво предложил компьютер.

– Нет, спасибо. Я лучше отдохну. Автоматический режим, – распорядился я, опять поймав себя на том, что слишком вежливо говорю с железякой.

Лицензия у меня была. В экспедиционном корпусе все получают универсальную лицензию на пилотирование аппаратами от городского флаера до лёгкого истребителя меж-

галактического крейсера. Тут без вариантов. Вот, только управлять самому меня никогда не тянуло, и я всегда самоустранился, если была такая возможность. И действительно, зачем дёргать джойстик, периодически всматриваясь в десятки приборов и контролировать пространство впереди и по сторонам, когда можно развалиться в кресле и спокойно наслаждаться проносящимися мимо и под тобой видами? Не для этого конструкторы оснастили технику искусственным интеллектом. А подменять собой робота – увольте.

Ускорением тело вжало в кресло, земля резко провалилась вниз, и лес внизу превратился в пятнистую буро-зелёную массу. Ага. Разогнался пейзажами любоваться! На междугороднем флаере не получится. Не с такой скоростью. Это на городском еще, куда ни шло. Летишь себе неспешно и по сторонам смотришь. Из боковой стенки выдвинулся поднос с прохладительным напитком. Что там? Цитрусовый фреш? Ну, конечно! Флаер то Фольксваген. А все машины этой фирмы заряжаются именно этим напитком. Я это помнил ещё с той, земной жизни. Ничего не изменилось. Совершенно ничего. Я был больше, чем уверен, что, будь я в Астон Мартин, бот бы подал мне чашечку чая по умолчанию.

Я отмахнулся от напитка, но, вспомнив, что бот не реагирует на жесты, отказался вслух. Подумалось, что, надо бы отвыкать одушевлять неодушевлённые предметы. Вокруг достаточно живых людей, с кем можно пообщаться. С той девушкой, например. А, что, неплохая девушка. В меру фигу-

ристая, в меру симпатичная. Полёт убаюкивал. Я откинулся на спинку кресла и задремал. Снилось всякая чушь. Какие-то боты, танцующие танго, почтенное семейство с Марса, бегающее по лайнеру с пистолетами в руках, льющийся с неба на манер дождя цитрусовый фрэш.

А потом всё это неожиданно померкло, стало каким-то тусклым, прозрачным, и на первый план вышло необычно чёткое и контрастное, её лицо. Опять она. Фаина. Веки её поднялись, и необычно чёрные, бездонные глаза вновь заглянули прямо в душу. Флаер сбросил скорость и стал снижаться, выводя меня из состояния сна. И опять, на самой грани сна и яви прозвучали слова: «Я жду тебя. Ты – избранный». Да что она ко мне прицепилась? Я уже скоро засыпать бояться стану!

А вот и мой родной город! Маленький, провинциальный в своей неторопливости, с низкими, ста пятидесятиэтажными домами, редкими хилыми газонами и массой устаревших флаеров, кашляющих на перекрёстках изношенными антигравями. Я стоял на стоянке центральной площади и оглядывался. И зачем я сюда приехал? Что я тут забыл и что я буду тут делать? То желание, которое заставило меня пересечь несколько галактик, показалось мне глупым. Ну, прямо, хоть разворачивайся и лети назад. С трудом подавив этот порыв, я направился в сторону ближайшей гостиницы, которую помнил.

Отель «Чудо света» встретил меня помпезными титановыми колоннами и огромными экранами вместо витрин. За то время, что я отсутствовал здесь, хозяева гостиницы не удосужились заменить это старьё на что-либо более современное. Прошлый век, какой-то. Даже дико. Хотя, вряд ли в этом городке столько приезжих, чтобы дела у отеля шли хорошо. Исторических достопримечательностей нет, финансовых и экономических центров тоже не наблюдается, космопорт отсутствует, как класс. Так, что, расчёт у отельеров, скорее всего, только на командировочных. А на них много не заработаешь. Видимо, посчитали, что сойдёт и так.

Две голограммы по бокам двери синхронно показывали одну и ту же рекламу шницелей из искусственно выращенной мраморной говядины с добавлением синтетического шпината. Причём тут шницель и гостиница? А-а, понятно. Реклама гостиничного ресторана! Ну, конечно, вокруг слишком много конкурентов в виде кафешек и баров, а терять клиентов не хочется. Хотя, какая может быть привлекательность у синтетической пищи, ума не приложу. Но, кто их знает? Может, в последнее время в этом городе синтетика стала особым шиком. Кому как, а я этих эрзац-продуктов в экспедиционном корпусе на три жизни вперёд наелся.

Бот, стоящий за стойкой ресепшена быстро оформил мне небольшой одноместный номер средней руки, снял с моего счёта необходимую сумму денег и, просканировав мой Ай-Ди, авторизировал меня. Всё. Теперь я на месте. Моё путе-

шествие закончилось. Осталось понять, что я здесь забыл. Когда я, продав свою квартиру, покидал город, я был совершенно уверен, что больше никогда не вернусь сюда. Незачем. Слишком тяжёлые воспоминания оставались. И, вот, я снова здесь.

Когда-то в этом городке у моих родителей был бизнес. Небольшой, что-то среднее между ювелирной и антикварной лавками. «Магазин интересных вещей» назывался. И там действительно было много чего интересного. Перстни метеоритного железа с магнитовым минералом из пояса Коплера, кулоны из силикатов с Цереры, серьги с кварцитами, встречающимися только на планете Гройс созвездия Скорпиона... Много денег этот бизнес не давал, но приносил моральное удовлетворение и отцу, и матери. Уж слишком увлечёнными натурами они были. Ну, и на хлеб с маслом хватало. Естественно, на натуральный, а не синтетический.

Всё шло хорошо, пока на магазин не положил глаз местный воротила, финансовый магнат и ресторатор Филимонов. Сам семейный бизнес был ему и даром не нужен. Дело было в месте, в котором стоял магазин. Этот дом Филимонов купил практически полностью, все сто пятьдесят этажей, за исключением торговой площади, принадлежащей отцу. Вот тут и нашла, как говорили древние, коса на обух. Или как там у них было? Не силён я в древней филологии. Отец оказался несговорчивым и отказался продавать магазин, а Фи-

лимонов – слишком упёртым, чтобы отступить.

Началась война, в которой были задействованы все силы от налоговой, до архитектурной инспекции, санэпидстанции, правоохранительных органов и суда с прокуратурой. И, наконец, бандиты. Вряд ли Филимонов хотел смерти моих родителей. Скорее всего, бандиты просто перестарались. Но дело было сделано. Их самих нашли со следами насильственной смерти в подвале одного из муниципальных домов на техэтаже, спустя пару дней после похорон. Концы были обрублены, и связать смерть родителей с Филимоновым оказалось чем-то из области ненаучной фантастики. Тем более при его-то деньгах и связях.

Я продал магазин первому попавшемуся покупателю, понимая прекрасно, что это подставное лицо. Тогда мне всё уже было безразлично, и мне хотелось только одного: улечься, убежать, испариться с этой планеты куда подальше. Себе я оставил только набор из трёх маленьких табличек неизвестного матового металла с так и не расшифрованными надписями, найденных в пустыне Гоби. Уж слишком дорожил ими отец. Прорезав через отверстия титановую цепочку, я повесил их на шею и отправился напрямик в вербовочный пункт экспедиционного корпуса. С табличками я больше не расставался никогда. Даже, когда я, практически, сгорел в бронетранспортёре на планете Занзебойя, я не позволил их снять с себя.

Машинально пощупав таблички, я приказал саквояжу

разложить одежду и направился в душ. А, вот, душ мне понравился. По крайней мере, на сантехнике уж точно хозяева гостиницы не сэкономили. Лёгкая водяная взвесь окутала моё тело, стоило только мне войти в кабинку и дать команду. Приятная иллюзия полного погружения в воду с возможностью дышать беспрепятственно. Минут пять просто стоял, наслаждаясь ощущениями, потом перевёл душ в режим напора и ойкал под стегаящими тело жгучими струями.

Когда я, распаренный, вышел из душевой кабинки, трудяга саквояж уже разложил все вещи и стоял в уголке, преданно попискивая время от времени. Поймал себя на том, что поблагодарил своего спутника и помощника и чертыхнулся. Мне, всё же, надо, наконец, отучаться от одушевления бытовых предметов. А то, так и до шизофрении недалеко. Буду обедать с пылесосом, гулять с кухонным синтезатором и, наконец, женюсь на колонке головизора.

Кстати о головизоре. Посмотреть его, что ли? Не новости, конечно. Их я просмотрел ещё в лайнере. Просто, что-нибудь развлекательное. Повинуясь команде, колонка засветилась мягким голубоватым светом и развернулась в студию с сидящими за круглым столом двумя блондинками, о чём-то увлечённо беседующими. Я приказал сменить канал, даже не заметив, что громкость приглушена. На следующем канале был репортаж с Марса.

Камера летела над красноватой каменистой поверхностью, испещрённой воронками и изрезанной глубокими ка-

ньонами. Что-то заставило меня задержаться и посмотреть, что будет дальше. Я, даже, дал команду на полный профиль. Границы изображения раздвинулись, поглощая меня, и создалась полная иллюзия полёта. Камера остановила своё движение и стала снижаться. Поверхность приблизилась, камера опустилась в каньон, пошла вдоль него и остановилась перед пещерой с идеально правильным арочным входом. Интересно. Уже интересно. Ни о каких техногенных объектах неземного происхождения, найденных в солнечной системе, я не слышал. А это явно что-то неземное.

Включилась подсветка, и камера влетела внутрь. Ну да. Пещера явно техногенная. Идеально ровные стены и пол. Только тут до меня дошло, что головизор работает в беззвучном режиме. После команды «Звук» по ушам ударила тревожная музыка и мужской голос за кадром.

– ... станет несомненной сенсацией, – буквально захлёбывался невидимый комментатор. – Я трогаю поверхность стены и не верю себе! Она отшлифована так, что по ощущениям напоминает стеклянную поверхность! Но самая большая загадка ждёт нас впереди! Вот, видите, мы заходим в комнату прямоугольного сечения.

Действительно, камера уже снимала какое-то помещение, освещённое только подсветкой оператора. Видно было плохо, однако, можно было заметить какой-то массивный предмет у дальней стены. Словно почувствовав мою заинтересованность, камера пошла дальше, наезжая на этот предмет и

постепенно освещая его. Расширенными от удивления глазами я рассматривал постамент кубической формы, на котором в позе Будды сидела статуя... Фаины. Именно Фаины. Такой, какой я видел её почти каждую ночь во сне. То же старое морщинистое лицо, те же азиатские черты и искусно вырезанные из камня косматые волосы. Только цвет глаз камень не смог передать, хоть взгляд статуи от этого менее пронзительным не стал.

– Скрин! – прокаркал я пересохшим горлом. – Скрин кадра и запись всей передачи!

– Скрин сделан, – раздался деликатный голос искусственного интеллекта. – Запись передачи будет готова сразу после её завершения.

– Хорошо, – ответил я. – И скинь мне всё на мой коммуникатор.

– Будет сделано.

Я отключил головизор и откинулся на спинку дивана. То, что я увидел, оглушило меня. Ничего не было понятно кроме одного: я потихоньку влезаю в какую-то историю. Точнее, не влезаю, а меня втягивают. И, причём, против моей воли. Кто, или что так грубо влезло в мою жизнь, я не знаю. Это мне и предстоит выяснить. Только, что мне делать? Куда идти и кого искать? Пожалуй, стоит просто пожить и подождать развития событий. Ведь, не зря меня тянуло сюда. Значит, в скором времени что-то должно проявиться.

В этот вечер решил никуда не идти. Просто поужинал в ближайшем кафе и улёгся в номере смотреть какой-то боевик. Не то, чтобы я устал. Просто здраво рассудил, что, если кто-то смог достать меня в другой галактике и побудить приехать сюда, а тут, уже, заставить посмотреть репортаж с Марса, то уж подсказать, что делать дальше, вполне себе сможет. Боевик был так себе. Косморекрут воистину гигантских габаритов то и дело схватывался с гигантскими зверопауками на планете Риббо, громко рыча и вырывая у них лапы с мясом. Зверопауки визжали и плевались паутиной с множеством мелких шипов по всей длине.

Герой фильма носился, словно ошпаренный по катакомбам, пинал, словно футбольные мячи, личинки монстров и ковырялся в зубах их жвалами. Потом его, кажется, предал лучший друг и стал стрелять в спину из импульсного пистолета. После того, как предатель не смог попасть в фигуру размером с силовой шкаф капитанской рубки космолёта, герой сделал сальто, приземлился у бывшего друга за спиной и сломал ему шею со словами: «Жаль. Другом ты мне нравился больше, чем предателем». На каком моменте я задремал, не помню. Когда проснулся, главный герой пробивался сквозь толпу членистоногих людоедов к своему звездолёту, а на его огромной мускулистой руке уже висела грудастая блондинка.

Сцена была эпическая. Визг и рёв закладывали уши, количество жвал на квадратный метр зашкаливало, а ярко

зелёная кровь монстров лилась рекой. Наконец, косморекрут пробился к своему кораблю, закинул туда блондинку и уже приготовился залезать сам, когда вокруг его лодыжки обви-лась паутина и начала впиваться ему в ногу своими шипами. Мужественный герой вынул огромное вибромачете, отхватил себе ногу пониже колена, ввалился в звездолёт и закрыл за собой люк. Наверное, по задумке авторов фильма, зритель, глядя на мужественное лицо героя, ползущего по палубе в командный модуль, должен был рыдать. Но рыдать не хотелось. Хотелось откровенно ржать.

Потом, под бравурную музыку звездолёт взлетел, сжигая в пламени разгонных двигателей полчища зверопауков. Ну и, наконец, финальная сцена в сопровождении сентиментально мелодии: герой сидит в кресле капитана, медицинская капсула, закреплённая на его конечности, отращивает ему новую ногу, а грудастая блондинка смотрит на него влюблёнными глазами. Странно, что они ещё любовью не занялись. Законы жанра, так сказать, требуют.

Весь этот боевик задумывался, как страшилка, но мне было смешно. Я бывал на планете Риббо и этих зверопауков видал воочию. Мерзкие, конечно, создания, но для человека совершенно безобидные. Животные-одиночки, они селятся в глубоких норах, никогда не сбиваются в стаи и охотятся на малков, мелких грызунов, немного похожих на тушканчиков и паутиной, ни шипастой, ни обычной, не плюются. Да и размеры у них поменьше будут, чем в фильме. А ката-

комб там и в помине нет. Разве, что, отдельные пещеры в гористой местности с огромной натяжкой можно принять за катакомбы, но очень мелкие и короткие. Ну и, даже, самый мощный медицинский комплекс с такой скоростью лишённую конечность не отрастит. Тем более, какая-то мобильная медицинская капсула.

За окном давно уже стемнело, и, как только я отключил головизор, окна стали показывать панораму морского побережья. Шум волн убаюкивал, я стал проваливаться в полузабытьё. Уловив моё состояние, искусственный интеллект перевёл морскую картину на вечерний, а потом на ночной режим. Шум волн немного усилился, крик чаек пропал, а через морскую гладь побежала лунная дорожка.

Фаина уже привычно предстала перед моим взором. Седые космы всё так же торчали в разные стороны, морщинистое лицо было неподвижным, а пронзительные чёрные глаза всё так же сверлили меня насквозь. Я выныривал из сна, слыша, навязшие в зубах слова о том, что я избранный и ей нужен. Мистика какая-то. Хотя, за это время пора бы уже привыкнуть. Я сел в кровати и попытался сосредоточиться. Странно, но я никак не мог вспомнить, как я уснул. Совершенно.

Помню изменение изображения на оконных экранах, вечернее, а потом и ночное море, лунная дорожка... Как давно я не видел лунной дорожки! И старинного парусника, который плыл в ночи. А на палубе парусника стояла красивая

девушка, и ветер развеивал её иссиня чёрные волосы. Она махала мне и говорила: «Скоро мы с тобой встретимся». Стоп. Я не мог такого видеть. Никак не мог, потому что всё изображение – это просто запись на экранах окон.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть мои мысли, я запросил у искусственного интеллекта данные о настройках оконных экранов и внимательно их просмотрел. Как и предполагалось, ни каких парусников, а, тем более, девушек, в настройках не было. Одни статические заставки. Выходит, это был сон? Такой реалистичный? И девушка. Необычайно красивая, она обещала мне скорую встречу. Опять проделки этого кого-то, кто ведёт меня в последнее время? Скорее всего.

Утро выдалось ясным и достаточно тёплым. Я глянул через ставшее опять прозрачным окно и увидел, как бот уборщик намывает тротуар перед входом, жалобно жужжа изношенными сервоприводами. Первые утренние флаеры уже расчертили небо, а по автоматической дорожке мамы повезли своих чад, наверное, в детский комбинат. Закон есть закон. Каждый ребёнок от года и до пяти лет обязан посещать детский комбинат пять раз в неделю. Он соблюдался в моё время, соблюдается и сейчас.

А как же иначе? Иначе – лишение родительских прав, помещение ребёнка в деткомунну и воспитание из него отличного военного, или госслужащего. Большая часть высокопо-

ставленных военных, политиков и руководителей – выходцы именно из деткомунн. И не знаешь, что лучше: с родителями воспитываться или без них. Полицейский дрон пролетел мимо, сопровождая конвойный флаер, грузно переваливающийся в полёте. Ночной урожай, скорее всего. Кто-то из окраин бедноты под покровом ночи в очередной раз решил попытаться счастья в центральных районах.

Наивные. Сколько я себя помню, такие вылазки всегда заканчивались одинаково. Камеры засекали нарушителя, парочка полицейских дронов сразу брала его под скрытое наблюдение и в миг, когда тот готовился незаконным способом поправить своё благосостояние, совершался захват. От вездия никто ещё не уходил.

Даже удивительно, насколько заостенелая жизнь в таких маленьких городках. Прошло двадцать пять лет, а ничего не изменилось. Совершенно ничего. В крупных городах всё меняется ежеминутно. Там жизнь кипит, а тут – болото стоячее. В ресторан решил не идти, а, просто, заказал себе в кухонном синтезаторе кофе и сэндвич с ветчиной. Н-да. Лучше бы в ресторан сходил. Кофе был синтетическим, как, впрочем, и хлеб, а ветчина искусственно выращенной. Хотя, судя по рекламе шницеля у входа в отель, там тоже можно ожидать чего угодно.

Сидеть в отеле больше не хотелось. В конце концов, я достаточно насиделся в замкнутых помещениях на различных орбитальных и межгалактических базах и станциях, не гово-

ря уже о перелётах в тесных каютах межгалактических крейсеров. В экспедиционном корпусе как-то не привыкли заботиться о комфорте для своих бойцов. Решено. Пойду, прогуляюсь по городу. Только не в тот район, где я жил, и где был наш магазинчик. Туда я не пойду ни за какие коврижки. Слишком тяжело.

На механическом тротуаре я выбрал самую медленную дорожку. Мне, всё-таки, торопиться некуда, а вот так, неспешно катиться по району, разглядывая окрестности, было приятно. Мимо проносились на более быстрых дорожках пешеходы, с удивлением глядя на мою одинокую фигуру. В принципе, их можно понять. Я действительно выглядел странно. В такую рань ехать и никуда не торопиться. Если мне некуда спешить, почему я поднялся в такую рань, а не лежусь сейчас в мягкой постели? А если дела меня подняли так рано, почему я еду так медленно? Вынос мозга, как говорится.

Я усмехнулся и вернулся к созерцанию окрестностей. Мой родной город. Старый, милый городишко, в котором я родился, вырос, учился и влюблялся. Как, оказывается, я по нему соскучился! Как бы я хотел сейчас перескочить на скоростную дорожку, пересечь на вон том перекрёстке, проехать по мосту, свернуть налево, проскочить под эстакадой монорельса, обогнуть частную стоянку флаеров и, остановившись перед родным домом, увидеть в витрине магазина маму. А там и папа, в сотый уже раз перекладывающий об-

разцы товаров в витрине.

Стоп! Я действительно стою возле родного дома и смотрю на витрину, когда-то нашего, магазина. Как я сюда попал? Я же не хотел ехать в этот район! И какого чёрта я тут, тогда, делаю? Интересно, я попал сюда, подчиняясь своему внутреннему «Я», или меня сюда привели? Повинуясь внезапно возникшему желанию, я пошёл к входу. Огромные витражные двери раздвинулись, пропуская меня внутрь. Что ж, приглашение получено, осталось принять его.

Затаив дыхание, словно при прыжке в холодную воду, я шагнул внутрь и огляделся. Нет. Это был уже не магазин. Небольшой и, надо признать, уютный ресторанчик, оформленный в восточном стиле, с, бесшумно передвигающимися, дроидами, стилизованными под каких-то старинных воинов. По случаю утреннего времени в ресторанчике было пусто. Только парочка посетителей с небритыми опухшими физиономиями хмуро хлебали что-то из чашек. Похоже, они тут провели всю ночь.

Я прошёл к дальнему столику и уселся. Дроид тут же материализовался рядом, уставившись на меня единственным глазом-камерой. Ну, почему у obsługi всегда делают один глаз? Неужели непонятно, что смотреть на два глаза гораздо приятнее? Или считают, что так проще относиться к ним, как к неодушевлённым предметам? Так все, за исключением меня, и так не одушевляют этих дроидов.

– Значит, так, железяка, – намеренно грубо проговорил я,

изучив развёрнутое передо мной голографическое меню. – Кофе. Только настоящий. И булочки. Понял?

– Будет исполнено, – дроид развернулся и укатил.

Кофе действительно оказался хорошим, как, впрочем, и булочки. Даже настроение поднялось. Странно, но никакого дискомфорта я не ощущал. Словно и не бегал по этому помещению в детстве, дёргая подвески из миккля и прислушиваясь к их загадочному звону. Как раз на этом месте, где я сижу, стояла витрина с редкими минералами с планеты Дилея, ещё долго играющими солнечными зайчиками после того, как на них посветишь фонариком. Лёгкая грусть не мешала нахлынувшему, вдруг, очарованию этого утра.

– Всё в порядке? – неожиданно раздался надо мной мягкий голос.

– Что? – я поднял голову и увидел перед собой невысокого мужчину субтильного телосложения с раскосыми глазами, одетого в невероятный балахон с широкими, расшитыми золотом, рукавами.

– Извините. Вы, просто, о чём-то глубоко задумались, и я взял на себя смелость подумать, что у вас не всё в порядке.

– Нет. Вам показалось. У меня всё хорошо. А вы...

– Я – хозяин этого заведения.

– А давно здесь этот ресторан? Меня не было в этом городе пятнадцать лет. Раньше тут был магазин.

– Был, – мужчина с интересом посмотрел на меня. – Толь-

ко прежний хозяин продал его как раз пятнадцать лет назад. Там была такая запутанная история!

– А вы его купили?

– Нет. За эти годы чего только здесь не было. Господин Филимонов тут пытался и казино организовать, и ресторан, и элитный клуб, и ювелирный магазин. Надо признать, что фантазия у него работала на всю катушку. Только, вот, счастья ему это место не принесло. Все его затеи оканчивались не просто фиаско. Они оканчивались грандиозными скандалами и огромными убытками. Филимонов лет десять пытался. Упёртый был мужик.

– Был?

– Да. Умер. Инсульт. И такой обширный, что никакой медицинский модуль не спас. Просто не успели поместить. Он здесь же, у себя в кабинете умер. Пока дошло, что он слишком долго из кабинета не выходит, пока достучаться пытались, пока дверь взломали. Тут уж никакая медицина не спасёт.

– Инсульт? В наше время? При нашей диагностике? Да ему уже утром искусственный интеллект сообщил бы об изменениях в состоянии здоровья и сразу бы отправил бы данные его лечащему врачу! Я вообще не слышал, чтобы от инсульта умирали.

– Но, тем не менее, факт остаётся фактом. После того, как малиновые изумруды с планеты Орея оказались простыми стекляшками с встроенными чипами, он так орал, что тряс-

лись, даже окна на двадцать третьем этаже. Потом зашёл в кабинет, и всё. Больше его никто живым не видел. И, скажу я вам, умирал он страшно. Когда кабинет вскрыли, он сидел в кресле с выпученными глазами и искажённым от ужаса лицом. Вы удовлетворены?

– Почему я должен быть удовлетворён?

– Это же вы. Вы, сын хозяина магазина, который погиб из-за Филимонова. Я вас узнал.

– Допустим. А почему вы всё рассказываете так, словно сами при этом присутствовали? У вас такое богатое воображение?

– Нет. Просто я всё это время был около Филимонова.

– Вы были его правой рукой?

– Нет. Я был всего маленьким винтиком в его машине. Слишком маленьким, чтобы влиять на что-то, но достаточным, чтобы быть в курсе всего.

– Ну, а что было после Филимонова?

– Были другие хозяева, но всё опять оканчивалось ничем. Таких убытков, конечно, не было, но и прибыли тоже. Наконец, это место посчитали проклятым, стоимость его упала катастрофически, и я получил возможность выкупить его за копейки.

– И как?

– А вы приходите сюда сегодня вечером, сами увидите. Приходите, не пожалеете. Я вас приглашаю.

– Интересно. Пожалуй, приду.

– Я буду вас ждать.

Я вышел из ресторана. Странно, но известие о смерти Филимонова не принесло мне удовлетворения. Ну, помер и помер. Даже пожалел его немного. Мучился, всё-таки, человек перед смертью. И сильно мучился. Но, надо признать, мне стало легче. Может, от того, что я сделал то, чего боялся все пятнадцать лет? Я пришёл сюда. На секунду, даже, показалось, что мама с отцом появились там, за витринами, и махнули мне рукой, ободряюще улыбнувшись.

Весь день я бездумно ходил по городу, наслаждаясь нахлынувшей ностальгией. Пообедал в первой попавшейся кафешке и опять просто гулял. Уже ближе к вечеру зашёл в отель, принял душ, переоделся и, уже целенаправленно, направился в ресторанчик. Мужчина встретил меня почти на пороге и широким жестом пригласил внутрь. Зал был полон. Тихая камерная музыка, мягкий приглушённый свет, бесшумно снующие между столиков дроиды. Уютно. Вот, только мест свободных в обозримом пространстве не наблюдалось. Нерешительно остановившись посередине зала, я оглянулся на хозяина и развёл руками.

– Ничего страшного, – ободряюще улыбнулся он. – Идите за мной.

Мы пересекли зал, прошли в небольшой арочный проход и оказались в небольшом коридорчике с четырьмя дверями по сторонам.

– Кабинки, – пояснил мужчина и открыл одну из дверей. – Проходите сюда.

Столик был уже накрыт. Я присел на стул с причудливо изогнутой спинкой и огляделся. Оформление в явно восточном стиле. Полотнища по стенам, исписанные иероглифами, картины с ветками сакуры и цаплями, причудливый фонарик под потолком. Явно что-то восточное.

– Мы так и не познакомились, – присел напротив меня хозяин. – Меня зовут Чен.

– Я – Володя.

– Мне очень приятно.

– Скажите, а с чего мне такая честь?

– Какая честь?

– Ну, вы подошли ко мне утром, заговорили, а потом пригласили меня на вечер. Я бы понял, если бы вы страдали от нехватки клиентов. Но у вас яблоку некуда упасть. Значит, дело не в клиентуре. Дело в вашей личной заинтересованности.

– А вы умный человек, – дробно рассмеялся хозяин.

– И всё-таки?

– Давайте сначала поужинаем. Угощайтесь. Вот, рекомендую, фунчоза с говядиной. А потом курицу с ананасами в кисло-сладком соусе. Вы китайскую кухню любите?

– Признаться, никогда не пробовал.

– Значит, сам Бог велел попробовать.

Вкус оказался необычным. Вроде, ингредиенты привыч-

ные, а вкус другой. Что-то подобное я пробовал на Банзее в портовом ресторане. Не совсем то, но, похоже. Мне понравилось, по крайней мере. А в конце был чай. Не обычный чай, который мы привыкли заваривать, бросив щепотку заварки и заливая кипятком, а особенный. Я с удивлением наблюдал, как Ченнаполнил чайник кипятком, прогрел его пять секунд и разлил воду из чайника по пиалам и в небольшой сосуд с вытянутым с одной стороны краем на манер носика. Я про себя назвал его молочником, так как из похожего сосуда мама добавляла всегда в кофе молоко. После этого в пустой горячий чайник он положил нужное количество заварки.

– Это старинная китайская процедура приготовления чая, – проговорил он, видя моё удивление, и указал на молочник. – Это чахай, или, более понятно, сливник.

Далее, он налил в чайник с чаем воду и тут же слил её через сито в этот чахай.

– Необходимо помыть чай от пыли, ведь хороший чай собирается вручную и не проходит технологическую очистку, – продолжил он свои пояснения. – Поэтому мы это не пьём и очищаем всю посуду от воды. А, вот, теперь настало время приготовить напиток непосредственно для употребления.

Чен налил опять в чайник воду, затем слил в сливник и разлил её по миниатюрным пиалам.

– Попробуйте.

Я осторожно сделал небольшой глоток и вынужден был признать, что очень вкусно.

– Может, вернёмся к моему вопросу? – попытался я напомнить о себе.

– Подождите. Наслаждайтесь чаем. Почувствуйте тон, аромат и оттенки.

Пришлось мне опять делать глубокомысленное выражение лица и опять прихлёбывать этот напиток. Хорошо, что пиалы были крошечные, всего на несколько глотков. Мне пришлось выпить пиал десять, прежде, чем Чен хлопнул в ладоши, и появившаяся (настоящая!) девушка убрала чайный прибор, поставив вместо неё пузатую бутылку из настоящей керамики. Судя по всему глубокая древность.

– А, вот, теперь, поговорим, – разлил он прозрачную жидкость по пиалам. – Что вы хотите узнать?

– Судя по всему, я здесь не случайно, – в нос ударил запах спиртного.

– Не только здесь, а вообще на этой планете, – Чен поднял пиалу и кивнул мне.

– Вы к этому причастны? – Я поднял свою и сделал глоток.

– И да, и нет, – хозяин ресторана тоже пригубил и поставил пиалу на стол.

– Простите? – водка была такой крепкой, что на глазах выступили слёзы.

– Вызвал вас на Землю не я, хоть и являюсь одним из инициаторов этого. И мы сделали так, чтобы вы пришли сюда. В этот ресторан.

– Тогда у меня два вопроса. Первый: кто меня вызвал на Землю? И второй: как это возможно?

– По первому вопросу – это отдельный разговор. А, вот, по второму... Скажите, что вы постоянно носите на своей груди?

– Это? – я расстегнул воротник и достал из-за пазухи пластины на титановой цепочке. – Просто память об отце. Пластины, найденные в пустыне Гоби.

– Это не просто пластины, – Чен достал из-за воротника точно такую же. – Это средство связи.

– Это? – сказать, что я удивлён, это ничего не сказать. – Но кого и с кем?

– А, вот это касается вашего первого вопроса.

В кабинку вошла девушка, и прошепел что-то на незнакомом мне языке, мельком глянув на меня. Похоже, этот вечер собирается меня добить сюрпризами. Я сидел и с удивлением смотрел на гостью. Это была она. Девушка с парусника. Та, что махала мне рукой во сне.

– А сейчас, – поднялся со своего стула Чен. – Нам предстоит пройти в одно место. Нас ждут.

– Эта девушка... – я пытался, но никак не смог подобрать слова.

– Вам приснилась? – опять дробно рассмеялся мой собеседник.

– Да. Откуда вы знаете?

– Линь часто так развлекается. Не обращайтесь внимания.

Ничего себе заявочки! Типа, ничего особенного. Подумаешь, девчонке скучно и она ради развлечения снится, кому попало. И всё это произнесено на голубом глазу. Так, словно присниться кому-нибудь ради развлечения – плёвое дело. Чен встал в проёме двери и вопросительно посмотрел на меня. Ах, да, мы же должны идти куда-то. Честное слово, в последнее время я чувствую себя этакой щепочкой, которую несёт по течению и от которой ничего не зависит.

Мы прошли по коридорчику, спустились по лестнице и подошли к лифту. Дверцы кабинки бесшумно раскрылись, впуская нас внутрь, и я с изумлением наблюдал, как Чен нажимает кнопку минус третьего этажа. Технологический уровень. Туда люди не опускаются. Это мир механизмов и ботов. И что нам там делать? Видимо, всё это я проговорил вслух.

– Вы неправы. Технологический мир населён.

– Кем? Кому интересно жить в грязи, без всяких условий, не видя ни солнца, ни, даже, просто неба?

– Ну, вы слишком хорошего мнения о человечестве. Помимо нашего мира, который живёт на планете, расселяясь в зависимости от своего кошелька, есть иной мир, маргинальный, подчиняющийся совершенно другому правительству и другим законам. И, поверьте, им живётся вполне нормально и без условий, и без неба с солнцем. Главное, без полиции, налогов и обязательств перед обществом и государством.

– А полиция не знает о них?

– Почему не знает? Знает, конечно. Просто ей нет смысла

туда соваться. Кто же позволит казённые дроны терять? А про людей я вообще молчу. Дураков нет, сюда лезть.

– Странно. На опасные планеты спускаются, а на технологический этаж – страшно?

– Не путайте. Космос осваивают люди другого сорта. А жизнь на Земле слишком развратила землян. Уже никто из них не хочет рисковать ни, своей жизнью, ни, своим благополучием, каким бы оно ни было. Приехали.

Действительно, лифт остановился, и мы вышли в небольшую комнату, в которой нас ожидало шестеро крепких ребят. И, могу поклясться, у них под полами курток явно угадывались очертания лучемётов. Именно таких, какие разрабатывались для спецслужб. Помнится, лет пять назад довелось попользоваться. Хорошая вещь. Ухватистая, небольшая и мощная. Луч более широкий, по сравнению с армейскими образцами, поэтому целиться особо было не надо. И так зацепит. Серьёзные ребятки. И спонсор у них серьёзный, раз такими машинками обеспечивает.

– Что там? – деловито спросил Чен.

– Спокойно, – ответил один из парней.

– Тогда пошли.

Сразу за дверями оказалась улица, если её можно так называть. Загаженный, когда-то асфальтированный тротуар, ныне зияющий огромными дырами, тяжёлые основания вышек и переплетения коммуникаций вместо неба над головой. И мрачные типы, то и дело встречающиеся на пути. Кто-то

стоял в тени мощных фундаментов, кто-то валялся на переплетениях труб, а кто-то шёл куда-то, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Под самым фонарём грязные оборванные дети играли трупом кошки, а одетый в лохмотья истощённый мужик танцевал посреди тротуара под, одному ему слышимую, музыку.

Мрачное место. Над головой с воем пролетел поезд грузовой подземки. Аж в зубах от звука зануло. Или это нервы? Никогда не думал, что такое существует. Всегда, как-то, воспринимал всё, что меня окружает, как что-то само собой разумеющееся. И не задумывался о том, что же обеспечивает всю повседневную жизнь города? А тут такое! И как тут живут люди?

Мимо промчался, дребезжа всеми частями корпуса и рыча мотором, древний аппарат, ещё на жидком топливе, коптя чем-то вонючим. И на колёсах, что для города выглядит нелепо. Хотя, для здешней клоаки в самый раз, наверное. В окно высунулось помятое лицо и что-то проорало, пытаюсь перекрычать шум двигателя. Старший нашей охраны махнул рукой в ответ и повернулся к нам.

- Чен, здесь появились чужаки.
- Где?
- Со стороны реактора спустились.
- Распорядись, чтобы разведчики их прощупали.
- Будет сделано, – парень активировал браслет коммуникатора, развернул экран и что-то забубнил появившемуся на

нём силуэту.

Мы подошли к одному из зданий, вернее, основанию здания, на сто пятьдесят этажей возвышающегося в моём мире. А здесь – монстроподобное сооружение с невероятной толщиной стен. У дверей нас встречала та самая девушка из моего сна.

– Чен, а что, Линь без охраны пришла? – удивился я.

– Она выросла здесь. Так сказать, плоть от плоти этого мира. Кто же её тронет? Да и, к тому же, она далеко не так беззащитна, как может показаться. А об этом тут все знают.

В здании пришлось попетлять по технологическим коридорам, пригибаясь под переплетениями труб многометрового диаметра. Где-то труба явно подтекала, и канализационная вонь стояла вполне себе стойкая. В небольшой комнатке, явно когда-то выполнявшей роль конторы диспетчера по контролю за коммуникациями, нас ждали. За столом сидели двое мужчин среднего возраста неприметной наружности, довольно привлекательная женщина и старик.

– Чен, – возмущённо заговорила женщина. – Объясни, что за причина выдёргивать нас так внезапно?

– Да, – откашлялся старик. – Для этого должны быть веские причины.

– Так, они есть! – расплылся в улыбке Чен.

– И?

– Разрешите представить, Володя. Сын антиквара Сергея.

– Сергея?! – вскочил со своего места один из неприметных.

– Того самого?! – подскочил второй.

– Да.

– Стоп, стоп! – поднял я руки. – Мне кто-нибудь объяснит, что вообще происходит?

За стеной грохнуло, раздалось шипение лучемётов, потом грохнуло ещё раз. Перегородка бытовки зарделась малиновым цветом от попадания луча, но выдержала. Только куски скудного убогого декора посыпались. Все всполошились и повскакивали со своих мест. В комнату влетел один из парней охраны.

– Чен! Чужаки пошли на штурм.

– Какие чужаки?

– Те, что со стороны реактора зашли. Они уничтожили нашу разведку и целенаправленно шли именно сюда.

– Их много?

– Много! Часть с людьми дона Сержа схлестнулась, а остальные все здесь.

– Понял. Возвращайся к своим. И свяжись с другими донами. По договору они обязаны нас поддержать. А мы, господа, присоединимся к обороне.

– Мы? – удивилась женщина.

– Да, мы. И будем удерживать врага, пока Линь не уведёт Володю в безопасное место.

– Ты возлагаешь на него такие большие надежды? – уди-

вился старик, доставая из-под полы гражданский луче­мёт, не такой мощный, как военный, но в ближнем бою вполне себе боеспособный.

– Он – сын Сергея!

– Да, что происходит? – опять не выдержал я.

– Потом! Линь!

– Что? – появилась в дверном проёме девушка.

– Выведешь Володю и доставишь его наверх.

– А вы?

– А мы немного задержимся.

– Ясно, – девушка улыбнулась, на мгновение показав свои белоснежные зубки, и взяла меня за руку. – Пошли. И голову береги.

Это получилось как-то ненавязчиво, но, одновременно так властно, что мне и в голову не пришло попытаться остаться, хоть воевать мне и не впервой. Да и, не моя это война. Кто с кем и почему воюет – понятия не имею. Мы помчались по каким-то грязным коридорам, ходам, переходам, лестницам и трубам. Я задыхался от пыли, замотался в паутину, словно мумия в саван, набил не менее двадцати шишек на голове и окончательно выдохся. Наконец, взрывы за спиной стихли и, вскоре, вообще перестали быть слышны. Линь остановилась, покрутила головой и увлекла меня к незаметной маленькой двери.

– Где это мы? – бешено чихая, оглядывал я небольшую каморку, в которой мы оказались.

Убогое помещение с метровым слоем пыли, пластиковыми лежанкой, столом, шкафом, убитым кухонным синтезатором и старинной панелью освещения на потолке.

– Это подсобка водопроводчика была. До того, как обслуживание коммуникаций не перешло к ботам. Здесь пересидим.

Я плюхнулся на кушетку прямо в пыль и попытался собрать мысли в кучу. События, и без того не сильно интересующиеся моим мнением, вообще неуправляемо понеслись вскачь. Интересно, что на это скажет Линь?

– Понимаешь, всё это уходит корнями в глубокую древность, – не обращая внимания на грязь, жевала сэндвич девушка.

– Московское княжество, Средневековая Европа, Древний Рим? – блеснул я своими скудными историческими познаниями.

– Глубже. Настолько глубокая древность, что упоминания о событиях в виде преданий остались в самых древних легендах. Сохранившиеся с древних времён мифы, покоящиеся ныне в архивах истории, описывают деяния богов, обладающих ошеломляющей силой. Египет, Греция, Рим – центры культуры, величайшие цивилизации древних. Там процветали наука и искусство, развивалась медицина, была ключом политическая деятельность. Древние свято верили, что их жизнью и судьбой, даже смертью управляют множество

богов. Жрецы хранили знания об «изначальных временах», когда эти могущественные существа действительно жили на планете. Их посланники совершали чудеса, мчались по небу на «огненных колесницах», обладали невиданным мощным оружием, применяемым для борьбы с врагами.

– И что?

– А то, что та теория зарождения человеческой цивилизации, которая была принята наукой и уже триста лет является неоспоримой, в корне неверна.

– Ого! Я такого ещё не слышал! И у тебя есть альтернативная теория, которая доказывает, что человек был создан Богом? Или что-то совершенно новое?

– Почти библейский вариант. Ты прав.

– И есть доказательства?

– Есть.

– И где они?

– В архиве расы.

– Какой расы?

– Нашей! Нашей с тобой расы!

– Тебе с утра искусственный интеллект ничего не говорил?

– Нет.

– А доктор не звонил? На психиатрическое обследование запись не присылал?

– Да ну тебя! Я тебе серьёзно рассказываю!

– Пока это всё похоже на шизофренический бред.

– И тем не менее.

– Ладно, продолжай. И так, Бог создал Адама и Еву, потом они поели яблок и он выгнал их из Эдема. А дальше?

– Опять смеёшься!

– Извини, не буду.

– Ну, так вот. Человека действительно создали. Но не Бог, а Древние. Раса разумных существ, возраст которой неизвестен.

– Что-то я в стольких галактиках за пятнадцать лет побывал, а никаких Древних не встречал.

– И не встретишь. Они ушли.

– Куда?

– Этого никто не знает. Просто ушли, оставив после себя кучу артефактов вроде сферы Дайсона в созвездии Скорпиона, или полые блуждающие планеты в созвездии Южного креста. Мы, кстати, тоже в какой-то степени, артефакт, оставшийся после них.

– Ого!

– Да. Древние наткнулись на планетную систему с уникальными условиями для жизни. Да-да. Это именно наша Солнечная система. А как иначе, когда целых три планеты идеально подходили для заселения! Это Венера, Земля и Марс.

– Погоди, но пригодной для жизни была только Земля! Ты знаешь, сколько усилий и средств понадобилось, чтобы терраформировать остальные две планеты?! Не говоря уже про

время. Двести лет непрерывной работы! Вам, что, в школе об этом не говорили?

– Говорили. Только это всё последствия катастрофы, которая случилась очень и очень давно.

– Пока всё ещё похоже на детскую сказку.

– Ты же перебиваешь всё время.

– Хорошо. Не буду.

– Так вот. Целых три планеты, пригодные для жизни. Древние не могли упустить эту возможность и заселили их. Они вообще, по своей природе, созидатели. Но они прекрасно понимали, что вновь созданное человечество нуждается в поводырях. Особенно на первых порах. Вот и создали, в первую очередь, нас. Мы – кураторы. В принципе, от остальных людей мы мало чем отличаемся, за исключением тех знаний, которые изначально были нам даны, определённых свойств и некоторых возможностей, которыми нас наделили.

– И это твоё появление в моём сне, одно из них?

– Да. Дело не сложное, но требует специфических навыков. Но вернёмся к теме разговора. До катастрофы мы курировали человечество на всех трёх планетах несколько тысяч лет. Люди развивались интенсивно. Да и как могло быть иначе, если с самого начала цивилизация базировалась на высоком уровне развития, а не начинала с нуля. Практически, библейский Эдем.

– Погоди. А как же пещерный человек, питекантропы с неандертальцами, викинги с Наполеоном? Изобретение ко-

леса, паровоз, атомные станции, наконец?

– Это случилось позже.

Я слушал и не знал: верить мне или нет. Больше всего это походило на выдумку какого-то полусумасшедшего ненаучного писателя фантаста. Короче, раса кураторов раскололась на две непримиримые партии. Одни считали, что человечество паразитирует на том, что досталось ему от Древних и ничего хорошего от него ждать не приходится. Тем более, что получило все блага на халяву, хотя и не достойно таких подарков. Поэтому необходимо очистить от него Солнечную систему, оставив небольшую часть в качестве рабов. Другие оставались верны своему долгу. Началась война. Основные боевые действия развернулись на Марсе, которую обстреливали термоядерными боеприпасами обосновавшиеся на Венере отступники, или ренегаты, по-другому. Хорошо досталось обеим планетам. В результате ударов термоядерными боеприпасами на Венере возник парниковый эффект, в результате которого температура на ней возросла до пятисот градусов, а с Марса вообще сорвало всю атмосферу. Ну, это вкратце. С Венерой вообще всё было намного сложнее.

Земле досталось меньше. Во многом, потому, что штабы обеих партий базировались именно на ней. Да и заселена она была не так густо. Но в результате массовой ядерной бомбардировки наклон оси изменился, и климат стал гораздо суровей. Все достижения цивилизации оказалось уничто-

жено, человечество на ней выжило, но, скатившись на самую низшую ступень, одичало. Во многом ещё и потому, что уцелевшим в конфликте кураторам было временно не до подопечных. Победа над ренегатами далась большой кровью и была не безоговорочной. Ренегаты ушли в глухое подполье. Цивилизация стала возрождаться с самого нуля. Верные своему долгу кураторы ненавязчиво помогали возрождению человечества. Отсюда и древняя демократия, и прорывы в науке, совершённые древними людьми, и много другое.

Вот и думай, верить этому, или нет? Во главе защитников человечества выступала занимающая высокий пост в иерархии кураторов Фаина. Она и стала не только легендой, но и своеобразным тотемом тех, кто не отступил от своего долга. Они стали называть себя Файнами. Линь рассказывала, что отступники выкрали её на Венеру, где убивали долго и мучительно. Однако, во время смерти она сумела сформировать свой мыслеобраз, которым до сих пор пользуются кураторы. Например, меня он привёл назад, на Землю. Тогда удалось отстоять хотя бы один из миров. Пусть и высокой ценой, но отстоять и не дать уничтожить человечество.

Как уже было сказано, ренегаты рассеялись и ушли в подполье. На всём протяжении развития земной цивилизации они вредили человеку, как могли, а, вот, недавно, опять обрели силу. Аналитики Файнов утверждают, что отступники колонизировали какую-то планету в космосе и там основали свою империю. А сейчас они хотят уничтожить Землю.

Зачем, почему? Наверное, потому, что Земля была колыбелью человечества и его символом? Линь не вдавалась в такие подробности. Она была Проводник по классификации Файнов. В её обязанности входило вести. Например, она вывела меня сюда из опасного места. А ещё, это она вела меня из дальней галактики Персея сюда, на землю, маня, или подбешивая, образом Фаины.

– А как в это всё вписываюсь я?

– Ты – Скальпель.

– Как понять?

– Скальпель – это инструмент для проведения хирургических операций. Вот ты и есть этот самый инструмент. Ты предназначен для того, чтобы проникнуть куда-либо и с хирургической точностью выполнить поставленную задачу. Твой отец был таким. По крови и ты такой.

– Опять ненаучная фантастика? Да ты знаешь, какая подготовка у подразделений глубокого поиска в том же экспедиционном корпусе? Да я им и в подмётки не гожусь! Тоже мне, скальпель! Так все спецподразделения можно в Файны записать и скальпелями обозвать!

– Ты не прав. То, чего они достигают изнурительными тренировками, у тебя в крови. И это нужно только разбудить. Конечно, это не значит, что тебе не нужно развиваться. Существует определённая методика подготовки, выработанная за многие тысячелетия. Но если человек по крови не скальпель, от неё не будет толку. Вспомни. Неужели за всю свою

жизнь тебе ни разу не удавалось совершить такое, чему бы ты и сам удивлялся?

– Наверное, было.

Двойной закат на Фурии был, наверное, прекрасным. Но только не для него. Десятилетний мальчишка крался по узкому карнизу скалы, и ему было совсем не до красот этой планеты. И угораздило ему во время пикника пойти посмотреть, как пасётся пятнистый хум. А хум плавно перемещался на своих ложноножках по замысловатой траектории от одного кустика чумаха к другому, демонстративно игнорируя остальные растения. И глодал он эти кустики так забавно, что мальчишка буквально покатывался со смеху.

Когда, наконец, удалось оторваться от забавного зрелища, местность вокруг изменилась. Вместо поросшей мягким травяным ковром долины с палаткой и костром, перед ним была гористая местность, с редкими кустиками чумаха, основательно обглоданного хумом. А долины в обозримом пространстве не было. Как не было ни палатки, ни костра, ни родителей возле него.

Стирая грязными ладошками слёзы с чумаzych щёк, мальчик покрутился на месте и пошёл туда, откуда, по его мнению, он пришёл сюда. Однако, сколько бы он не шёл, долины нигде не было. Местность, вначале понижающаяся, опять стала повышаться, постепенно превращаясь в скалы. Он шёл, оглядываясь по сторонам и не зная, что делать. И

ничего другого не мог придумать, как просто идти вперёд, надеясь на то, что когда-нибудь, он выйдет к людям. О том, что на этой планете плотность населения составляет один человек на четыре квадратных километра, в его маленькую голову как-то не приходило, хотя, рекламный проспект он проштудировал ещё в орбитальном лифте. Стало темнеть. Двойные тени удлиннились, и небо окрасилось в багровый цвет.

Сверху посыпались мелкие камушки. Мальчишка поднял голову и увидел припавшего к камням дурла. Мелкие чешуйки на его загривке стояли дыбом, а игольчатые зубы угрожающе лязгали друг об друга. Стало не по себе. Да нет. Стало страшно. Ужасно страшно. Рискую сорваться вниз, он рванул по карнизу и выскочил на относительно ровную площадку, после которой начинался спуск.

Дурл исчез, и мальчик сейчас даже не мог сказать, показалось ему это, или нет. Попытавшись успокоиться, мальчик пошёл вниз по склону, стараясь выбирать места, где меньше гравия. На одном из участков нога, всё-таки поехала, мальчишка потерял равновесие и, упав на спину, поехал вниз. Камни больно вонзались в тело, царапая кожу. Наконец, падение удалось затормозить, вцепившись в колючие стебли ползяники, которой тут было много.

Уняв бешено стучащее сердце, мальчик осторожно сел и лизнул кровоточащую ладонь. Оба солнца уже скрылись за горизонтом, но взошедшая над горизонтом луна, заняв половину небосклона, прекрасно освещала окрестности, кон-

трастно очерчивая каждый выступ. И, в свете этой луны, из-за ближайшего скального выступа, посвистывая и припадая к камням, вышли четыре дурла.

Мальчишка испуганно съёжился, понимая, что уж от четырёх хищников точно никуда не деться. Внезапно, паника, ослепившая и лишившая способности двигаться, прошла, разум очистился и стал холодным и острым, словно клинок кинжала. Он подобрался, каким-то чудом умудряясь отслеживать движения каждого из дурлов. Один из них, внезапно, распрямился, словно пружина и бросился на жертву. Ментально всё замедлилось и стало восприниматься, словно в замедленной съёмке. Мальчик безо всякого труда отскочил от тягуче медленно приземляющегося на передние лапы дурла и, подобрав камень, обрушил его на голову еле двигающегося монстра.

Следующего хищника он подсёк сразу за четыре лапы, и тот медленно покатился по склону, увлекая за собой такие же неторопливые потоки гравия. В третьего он просто запустил камень, наблюдая, как феерично медленно разлетаются брызги крови. Последнего он добивал булыжником по хребту, и время опять вернулось к своей прежней скорости. Камень с противным хрустом опускался на чешуйчатую спину, дурл истошно свистел от боли и пытался отползти, волоча перебитые и не двигающиеся задние лапы.

А потом он сидел в луче света поискового флаера, дрожа от сумасшедшего отходняка. И были отец с матерью, радост-

но обнимающие его, был медицинский бот, сканирующий тут же все его органы и руководитель спасательной команды, с удивлением рассматривающий трупы дурлов на склоне.

– Было. Точно было.

– Вот видишь!

– А почему Чен с этими четырьмя остались удерживать чужаков, пока ты меня уводила?

– Скальпелей очень мало. Штучный товар, так сказать. Вас нужно беречь, как зеницу ока и рисковать вами только в самом крайнем случае. А они – Хранители. Они обязаны планировать действия Файнов и удерживать мир в равновесии. Тебе предстоит выполнить миссию, от которой зависит многое. Именно поэтому я тебя и вызвала.

– Что за миссия? И вообще, меня кто-нибудь спросил?

– Ты Файн и ты сын своего отца. Этого достаточно.

– Убедительный аргумент. Только меня как-то не проняло. А, прости, пожалуйста, как ты меня нашла?

– Это было непросто. Будь ты на Земле, проблем бы не было. Просто мы не успели тебя перехватить, слишком быстро ты в экспедиционный корпус записался. А там, ищи-свищи тебя по всей вселенной. А недавно у тебя связные амулеты активизировались. Так я тебя и засекла. А, уж, вытянуть тебя уже было просто. Тем более, их у тебя три. Сила воздействия в три раза увеличивается. Ладно, пора нам и наверх выбираться. Там, вроде, успокоилось всё. Нас Чен в услов-

ленном месте ждёт.

– А почему, ты думаешь, что он жив ещё?

– Знаю.

– Но, там, судя по всему, жарко было. Уж я-то понимаю.

– Не страшно. Во-первых, ребята Чена далеко не мальчики для битья, а во-вторых, на технологических этажах действует неписаное правило: против чужаков встают все кланы, населяющие технологические этажи. Эти отступники не знали, куда голову суют. Там сейчас каждый куст, каждый угол стреляет. Им не укрыться и не уйти.

Мы вышли из подсобки и опять окунулись в вереницу грязных, пыльных переходов, заросших паутиной. Всё-таки боты, однозначно, не приучены следить за чистотой. Наконец, Линь подвела меня к лифтовым дверям, и мы поднялись в более привычный мир. Я оглядывал уютную комнату в розовых тонах, куда мы вышли из пушистого шкафа.

– Душ вон там, – махнула рукой девушка, между тем набирая своим пальчиком код на развёрнутом экране виртуального магазина. – Сейчас тебе новую одежду доставят.

Я хмыкнул и пошёл в душ. Помыться действительно следовало. Уж слишком много грязи я собрал в ходах и переходах этого огромного городского подвала. Когда я, разомлевший и распаренный, выбрался из душевой, новая одежда уже ждала меня на диване цвета фуксии. Линь нигде не было. Не торопясь, оделся, попутно поражаясь безупречному вкусу девушки, и прошёлся по комнате. Натуральный девичий

будуар. Всё в розовых цветах разных оттенков, всё пушистое и в мягких игрушках.

– Оделся? – вошла в комнату Линь.

Она изменилась. Иссиня чёрные волосы гладко зачёсаны и забраны в толстую косу. Тёмно-серый комбинезон облегал ладную фигурку, выгодно подчёркивая все её достоинства, а на ногах были обманчиво тяжёлые ботинки со встроенным в подошвы антигравитационным трамплином. Видел я такие. Серьёзная штука. Метров на десять подбрасывает. И комбинезончик у неё тоже с сюрпризами. Это к бабке не ходи.

– Ты где помылась? – удивился я. – Душ, ведь, мной занят был.

– У меня в спортзале ещё один есть.

– В спортзале?

– Да. В той комнате оборудовала. Хочешь глянуть?

– Хочу.

Спортзал был небольшим, но грамотно оборудованным. Тут была зона с тренажёрами, зона для отработки приёмов рукопашного боя и татами. А в дальнем конце действительно была дверь в санузел. Как там Чен говорил: «Она вполне может за себя постоять». Теперь верю. Я, даже, по-новому на девушку глянул. А она, нетерпеливо топнув ножкой, направилась к двери. Действительно. Пора бы уже и дела делать.

Чен ждал меня в уютном кабинете одного из офисных центров в невысоком восьмидесятиэтажном здании на окра-

ине микрорайона. Тоже уже переодевшийся, он сидел в компании женщины и старика, с удовольствием, жмурясь, попивая чай из пиалы.

– Проходите, – обрадовался он, увидев меня. – Присаживайтесь, чаю выпейте.

– Что-то вы не в полном составе, – хмуро буркнул я.

Происходящее всё больше и больше мне не нравилось. Не на такой приезд на родину я рассчитывал. И, тем более, не рассчитывал на то, что мной станут распоряжаться, как вещью.

– Гриша с Игорем в медицинском блоке. Зацепило слегка. Но, вернёмся к нашему разговору. Надеюсь, что Линь ввела вас в курс дела? – не замечая моего недовольства, поинтересовался Чен.

– Не совсем. Рассказала сказочку про Древних и кураторов.

– Почему сказочку? Всё так и есть. Линь врать не станет.

– Да, что-то, слабо верится во всё это. Особенно война, ядерная бомбардировка планет, уничтожение цивилизаций на Марсе и Венере. Бред. А ядерная война на земле? Полная чушь!

– Предания древних о войне богов, упоминаются в легендах и летописях многих культур. Исследователи нашли свидетельства тому, что около тридцати тысячелетий назад, а может и значительно позже, на планете велись масштабные и яростные ядерные битвы. К подобному выводу служителей

науки подтолкнули, найденные ими в разных уголках Земли, исчисляющиеся сотнями, воронки, диаметром в несколько километров. По характеру и анализу, сохранившихся в пластах грунта, пород и элементов они похожи на следы, оставленные ядерными взрывами огромной мощности, измеряемой в более, чем пятьсот тысяч тонн в тротиловом эквиваленте. Легенды утверждают, что император Ашока, живший почти за три века до наступления эры Христа в Индии, знавший о разрушительной силе, описанного в старинных книгах, страшного оружия, сделал всё, чтобы схоронить великие секреты от жестокого мира. Но не только эти знания были сокрыты в древних книгах. Среди дошедших до современных людей через века рукописных источников, составленных на санскрите, существуют книги, хранящие знания и о строительстве летательных аппаратов, поднимающихся в воздух на основе антигравитации.

– Всё равно с трудом верится.

– Уж придётся поверить. Ну, да, ладно. Это вопрос времени. А сейчас – к делу. Познакомьтесь: это Валерий Фёдорович, – показал Чен на старика. – А это – Галина. Гришу и Игоря ты видел. Мы, пятеро, представляем высший совет хранителей Файнов. Своего рода, руководство. Выше нас на Земле нет.

– А не на Земле?

– А не на Земле нам делать нечего. Наша задача Землю сберечь. Последний оплот человеческой цивилизации.

– Так, люди уже по галактикам расселились!

– А корни здесь. Нам Древними завещано сберечь колыбель человечества.

– Да что тут такого-то, на Земле этой?

– Потом поймёте. Но, как видите, отступникам тоже наша планета покоя не даёт. Так и лезут.

– А что вы там про отца моего говорили? Вы его знали?

– Конечно, знали. Вот, только спасти не успели. И погибли они с твоей матерью глупо. Мы отступников отслеживали, а их простые гопники убили. Жаль. А эти амулеты, что у вас на груди, отец для вас держал. Один – его, другой – матери, третий – ваш.

– Он же говорил, что их в Гоби нашли.

– А что он вам сказать должен был? Что это для связи? Вы же не посвящены были.

– А мама?

– Она была посвящена, но активной работой не занималась. Отец ваш не хотел. Он считал, что её задача вас вырастить. Уж слишком хорошие задатки скальпеля у вас с детства были. Думаю, что вы и сами за собой всегда замечали и реакцию, и владение телом, и интуицию.

– Было. Но с чего вы взяли, что я влезу в эти ваши разборки?

– У вас нет другого пути. Вы Файн. И вы сын своего отца.

– И что? Может, это для вас и аргумент. Но я прожил свою, пусть и нелёгкую жизнь. А вы грубо в неё влезли и вы-

рвали меня из привычной среды ради своих интересов.

– Не своих. Мы работаем в интересах человечества. Это наш долг.

– Ваш. А я никому ничего не должен.

– Вам так кажется. Но вы не сможете просто отсидеться в сторонке. Не получится.

– Угрожаете?

– Нет. Просто, если засекли вас мы, то это значит, что вас засекли и отступники. И сегодняшние «гости» там, на тех-этаже, это по вашу душу.

– С чего мне вам верить?

– Сигнал вашего амулета был очень сильным. Это объяснимо. Их, всё же, у вас на цепочке три. Утроенный сигнал – это мощный импульс. А куратора с такими задатками, как у вас, заполучить всем хочется. И им, и нам. Как видите, я с вами откровенен. Ренегаты приложат все усилия для того, чтобы иметь вас в своих рядах. Теперь, когда о вас известно, отсидеться не получится. А, если так, то почему бы вам не выступить на той же стороне, что и ваш отец в своё время?

Я молчал. Думал и молчал. И меня никто не торопил. Даже в самых тяжёлых миссиях в экспедиционном корпусе я не чувствовал себя таким беспомощным. Судя по всему, Чен не врал. Получается, что я загнан в угол. И винить некого. Кто же виноват в том, что мои амулеты сработали? Вот так молчали всё это время и, вдруг, сработали. Может, какое космическое излучение повлияло, а может, стрессовая ситуация,

коих в моей богатой на приключения жизни было немало. Кто же теперь узнает? Ясно одно: от меня теперь не отступятся.

– И что за миссию вы мне приготовили? – наконец подал я голос.

– Об этом ещё рано. Вам необходимо пройти подготовку.

– Это, что, огневая полоса, штурмовая, стрельбы и рукопашный бой?

– Зачем? Нет, конечно. Это у вас в крови. Медитировать будете, дух тренировать, ментальным телом будете учиться владеть.

– Это как?

– Увидите. Вы многое можете, просто не знаете, как. У вас пятнадцать лет на шее висели целых три амулета связи, но вы так и поняли, что они означают. Вы от страха в детстве замедлили время, но так и не осознали, как это сделали. У вас импульс силы такой, что вы сможете флаер на лету остановить, но вы об этом не догадываетесь. Применять свои возможности. Разумно и осознанно применять – вот чему вам предстоит учиться.

Честно говоря, я настраивался на приятный отдых. Всё-таки вилла на побережье средиземного моря, пальмы, белый песочек, красавица Линь, как мой персональный учитель. Я таких вилл и не видел никогда. Надо же, при таком дефиците земли и двухэтажное здание, да ещё и с садом! Тут всё кри-

чало: «Отдохни, забудь о делах!» Да не тут-то было. Никогда не думал, что буду скучать по штурмовой полосе. Занятия по медитации выматывали, а попытки связаться по амулету связи приводили в бешенство. В перерывах между медитациями я изучал праязык и алфавит Древних. Тоже дело непростое. Даже мне, знающему шесть языков Содружества галактик, давалась эта наука очень нелегко.

– Странно, – удивлялся я. – Я всегда считал, что, чем меньше букв в алфавите, тем совершенней язык. Ведь, у нас, например, на Земле, письменность, пройдя через долгий путь эволюции от клинописи до букв, совершенствовалась, и алфавит сокращался постепенно. В большинстве алфавитов тридцать знаков, плюс-минус.

– А восточные иероглифы? – улыбалась Линь.

– Ну, это, скорее, исключение из правил.

– Ошибаешься. В алфавите Древних сто двадцать восемь знаков. Зато письмо на них выражает целый спектр эмоций. Ты посмотри, как на твоём именном амулете связи написано твоё имя. С какой любовью вывел его на табличке твой отец. А если я напишу твоё имя так? Видишь?

– Действительно, – я смотрел на выведенную на голографическом экране надпись. – Вроде и читается так же, но с какой злобой!

– Вот именно! Это совершенный алфавит. Он оттачивался миллионами лет. Тут всё имеет своё значение.

Прошла, наверное, неделя, когда я, наконец, смог, пред-

ставив перед своим мысленным взором написанное на языке Древних имя девушки, услышать в своей голове её отклик. Пока слабый, нечёткий, но, всё же отклик. И её образ увидеть. Размытый образ, конечно, всё норовящий исчезнуть, пропасть, но это был именно образ Линь.

– Вот, видишь, получилось! – смеялась она. – А теперь вспомни те ощущения, что сопутствовали этому. И постарайся воспроизвести их снова.

Ага! Легко сказать! А попробуй сделать! Но, тем не менее, раз от разу получалось всё лучше. Я научился общаться по амулету, ощутил свою силу и, наконец, ощутил своё ментальное тело. До этого момента разговоры о ментальном теле я воспринимал, как что-то из разряда сказок про древних йогов. То есть никак. У меня есть тело. Вот оно. Две руки, две ноги, голова. О каком ещё теле может идти речь? Оказывается, есть ещё одно. То, которое отличает куратора от человека. Нет, конечно, у человека тоже есть метальное тело. Но оно другое. У нас оно сильное и более совершенное.

Сколько было радости, когда я ментальным ударом отбросил на метр пластиковую трубу! Я смог! Потом, очередь дошла до более тяжёлых предметов. Но, оказалось, что это самое лёгкое. Дальше было сложнее. Удерживать на весу тяжести, ставить ментальный щит от мячиков, которыми пре-больно кидалась в меня Линь, замедлять время, стараясь перехватить выпущенную из арбалета в цель стрелу. И, наконец, венцом обучения явилась возможность видеть энерге-

тические потоки. Оказалось, что они пронизывают всё и вся и, в местах их завихрений можно моделировать энергетические ловушки.

– Линь, – спросил я девушку, с которой гулял по вечернему побережью. – А откуда ты всё это знаешь?

– Я – Проводник. А каждый проводник знает всё, что доступно куратору.

– Почему, тогда, Проводник не может побыть Скальпелем при необходимости?

– Потому, что я знаю, а не владею. Я умею устанавливать связь и прокладывать путь. Мне видимы энергетические потоки. Но моё ментальное тело не настолько сильно, как у тебя. Я не могу устанавливать ментальный щит, не могу замедлять время или мастерить энергетические ловушки. Могу только подсказать, как этому научиться, потому что вижу и знаю. А ты можешь, но тебе не дано прокладывать маршрут или вести кого-то. Каждому своё.

– Пошли купаться?

– Пошли.

И, словно, не было изнуряющих многочасовых занятий. Мы носились по пляжу, словно два ребёнка, бросались в нагретую за день воду, плавали наперегонки и плескались на мелководье. Было хорошо и никак не хотелось, ни вспоминать о моём прошлом, ни думать о будущем. Это всегда так, когда хорошо в настоящем. Я, даже, стал понемногу забывать о своей службе в экспедиционном корпусе. Точнее, не

забывать, а воспринимать её, как что-то далёкое и произошедшее не со мной.

Хотя, иногда, по ночам, фрагменты из моего прошлого, вдруг, всплывали в моей памяти, словно кадры из какого-то мнемофильма. И тогда я просыпался в паническом возбуждении, некоторое время сидел, пытаюсь унять разошедшееся сердце, а потом бежал в душ смывать липкий пот. Окончательно забыть о прошлом не давали, как ни странно, занятия. Осваивая новую возможность, я иногда, вдруг, вспоминал, как она помимо моей воли проявлялась в критических обстоятельствах. Я, тогда, конечно, не связывал это с чем-то из ряда вон выходящим. Считал, что просто повезло. Как оказалось, речи о везении не могло идти.

Аппарель спускаемого аппарата откинулась, и тяжёлый бронетранспортёр скатился на планету, вгрызаясь своими огромными рубчатymi колёсами в грунт. Бронированная машина грузно, словно гигантский доисторический монстр, развернулась и заняла своё место в боевом построении. Вторжение началось. Бойцы сидели в десантном отсеке, зорко осматривая в смотровых экранах пустынную каменистую местность. Никого и ничего опасного не было. Но это ничего не значило. Обе разведывательные миссии погибли тут, так и не успев передать на орбитальный комплекс ничего вразумительного. И этого было достаточно, чтобы не снимать рук со штурмовых комплексов.

Это планета даже не успела получить своего названия, оставаясь для всех простым индексом 51 Pegasi B. Но условия на ней вполне подходили для колонизации, поэтому необходимо было её обследовать, устранить потенциальные опасности и подготовить места для новых колоний. И тут пропала сразу двух разведывательных миссий. Ситуация категории «Б», то есть требуется войсковое вмешательство. Если бы кто-то тогда додумался поставить категорию «А», сколько жизней удалось бы сохранить! Ведь, категория «А» означает категорический запрет на присутствие людей. Но человек всегда отличался самоуверенностью.

Цепь бронетранспортёров тяжёлой поступью двигалась по планете, сминая редкие деревья и дробя колёсами камни. Казалось, эту силу ничто не могло остановить. Первый лагерь разведывательной миссии появился, спустя полчаса. Быстровозводимые пластиковые жилые капсулы, ячейки системы связи, три транспортных модуля, уныло застывшие на стоянке и штанга охранного периметра.

Он с любопытством смотрел в обзорный экран на выросший прямо перед его транспортёром посёлок и не мог понять, что же тут произошло. Всё, казалось, было в порядке. Такое впечатление, что только вчера разведчики вышли из своих капсул, прикрыли за собой дверь и ушли. Замерцал и развернулся экран коммуникатора. Командир роты на экране выглядел раздражённым.

– И что мы встали, Вол? – просипел он обожжённым гор-

лом. – Ждёте экскурсовода? Может, мне провести вам экскурсию по этим местам? Так, я могу. Посмотрите перед собой. Вы видите объект, на котором одиннадцать дебилов из бронетранспортёра номер восемнадцать должны провести разведку, потому, что именно этот долбаный бронетранспортёр наткнулся на него. А теперь посмотрите на себя и вы увидите тех самых дебилов, которые забыли о том, что являются бойцами экспедиционного корпуса. Что встали, отрыжки гимофлея? Вперёд! Разведать и доложить.

Словно очнувшись от наваждения, он ещё раз глянул на экран. Выходить из-под прочного бронированного корпуса не хотелось категорически.

– Отделение, на выход! – пересилив себя, приказал он. – Фил, Гибон, боевое охранение. Остальные – боевыми двойками обследовать лагерь.

Люки открылись, и бойцы высыпали наружу. Особо нужды командовать не было. Каждый не раз побывал в экспедициях, неоднократно рисковал жизнью и свой манёвр знал в совершенстве. Двое тут же отбежали на некоторое расстояние в разные стороны и заняли позиции с обеих сторон лагеря. Остальные, разбившись попарно, стали обследовать лагерь.

Он уселся на верхней броневой плите бронетранспортёра между двумя башенками автоматических импульсных установок и стал наблюдать за разведкой сверху. С высоты десяти метров видно было прекрасно, поэтому изменение в по-

ведении бойцов он увидел сразу. Из ближней к нему капсулы, словно ошпаренные, выскочили Гош и Филин. А потом из соседней, так же кубарем, вылетели Грум и Петро. Уже не дожидаясь, когда очередной кульбит совершат следующие две двойки, вызвал по коммуникатору Филина.

– Что там у вас? – поинтересовался он, вглядываясь в испуганное лицо ветерана высадок на опасные планеты. – Пчёлы покусали?

– Вол! Там одни обожженные трупы!

– Как обожжённые?

– Практически, головёшки.

– Передать на бортовой компьютер изображения.

– Есть!

Картинка, конечно, была неприглядная. В каждой капсуле лежали обугленные до состояния головы трупы. И, что самое интересное, больше ничего огнём было не тронут. Ни одна пластиковая панель не расплавилась, ни одна постель не прогорела. И что это значит? Опасность, только что почти не ощущающаяся, сейчас просто пропитала воздух этой планеты. Но источника этой опасности не было видно. Только обожжённые трупы. Командир роты тоже, получив изображения, ничего, кроме матов, сказать не смог. А потом появились они. Яркие огненные шары, размером с теннисный мяч, атаковали внезапно. Половина бойцов погибли моментально. Остальные попадали такими же обугленными головёшками уже рядом с бронетранспортером. Он скатился в

люк и дал команду на отход. Из его бойцов спасти уже было некого.

Робот переключился на задний ход и повёл машину прочь от лагеря. Обзорный экран рябил, но огненные мячики было видно и при таком плохом изображении. Одна из боковых стенок засветилась малиновым цветом, оплавилась дырой, и туда влетел один из шаров. Он в испуге выставил перед собой руки и с удивлением смотрел, как шар, словно отброшенный, ударился о задний борт и, проделав в нём брешь, улетел. Транспортёр заскрежетал, дёрнулся и встал. Всё, промелькнуло в голове. Рядом остановился бронетранспортёр второго отделения и Малой, открыв люк, замахал руками.

Недолго думая, он перепрыгнул туда и пробрался по ногам бойцов в самый дальний конец десантного отсека. Его колотило. За бортом творился суший ад. Несколько машин вспыхнули чадным пламенем. Остальные беспорядочно отступали к спускаемому модулю под непрерывными атаками шаров. На плечи и спину навалилась неимоверная тяжесть. Как ни странно, но именно их бронетранспортёр шары не атаковали. Точнее, атаковали, но ни один из них не мог довершить начатое, словно натываясь на невидимую преграду.

До спускаемого модуля добралось меньше половины. И только тогда, когда модуль пробил облака и вышел в стратосферу, он ощутил, словно с его плеч сняли огромную каменную плиту. Вместе с облегчением наступила смертельная усталость, и он провалился в глубокий сон.

Отдых закончился. Хотя, отдыхать особо и не приходилось, но вечера на берегу моря в компании Линь мне нравились. Увы, всё когда-нибудь кончается. Особенно хорошее. И сейчас скоростной флаер нёс меня обратно. Я сидел в мягком удобном кресле и прихлёбывал недурной кофе, прихваченный с собой Линь, высокомерно отказавшись от того синтетического, что мне предложил бортовой компьютер. Удивительно. Бразильский, сравнительно новый, «Санатос», а на борту синтетический кофе. Даже странно. У них, что, в Бразилии кофейные плантации тля поела? Или, что там поедает кофейные плантации?

Наконец, впереди, показались крыши домов, флаер попетлял по улицам, вырулил на небольшую площадку перед знакомым, когда-то родным, домом и мягко приземлился. Мы с Линь выбрались наружу, и пошли в ресторан. Чен ждал нас в уже знакомой кабинке. Поблагодарив кивком девушку, он указал мне на стул напротив. Я уселся, почувствовав себя неуютно под его пронизывающим взглядом.

– Вижу, ты достиг немалых успехов, – улыбнулся мужчина. – Ничего, что я на «Ты»? Всё-таки, я знал ещё твоего отца.

– Ничего. Я старался.

– Ты сильно изменился. Твоё ментальное тело синхронизировалось с физическим. И сила чувствуется.

– Сила, это да! – восторженно заговорил я.

– Не стоит слишком преувеличивать значение силы, – опустил меня с небес на землю Чен. – Важнее разум. То, что отличает куратора от человека гораздо больше, чем ментальное тело.

– И почему же я, тогда, не тренировал свой разум?

– Почему не тренировал? Ещё как тренировал! Именно разум заставляет твоё ментальное тело выполнять все эти фокусы с силой, пространством и временем. Всё это время ты, в первую очередь, тренировал именно разум. Развивал его, приучал быть быстрым и гибким.

– То есть, я уже готовый Скальпель?

– Можно сказать и так. Хотя, до первой миссии об этом судить трудно. Только то, что ты можешь, далеко не предел. Ты будешь развиваться и совершенствоваться всю жизнь. Например, сейчас, ты ещё не дотягиваешь до уровня твоего отца. Но, в будущем, ты его переплюнешь по многим аспектам. По крайней мере, так предсказывал он.

– Ну, родители всегда видят в своих детях что-то особенное. Что поделать? Родительская любовь слепа.

– Не в этом случае. Твой отец отличался трезвым умом и редкой рассудительностью. Если бы у тебя не было задатков, он бы это признал. У нас нет причин не доверять его мнению.

– Вы уважали моего отца? Расскажите, каким он был. Ну, я не в том смысле. Как человека, я его хорошо помню. Каким он был Куратором? Скальпелем, наконец.

– Он был хорошим Куратором. Профессионалом свое-

го дело. Ни одной провальной миссии. Магазинчик, который они с твоей мамой открыли, являлся, конечно, хорошим прикрытием, но всё, что там продавалось, он привозил лично с тех миссий, которые выполнял.

– Всё? Я не знал этого. Думал, что он покупал товар у поставщиков.

– Попробуй найти поставщика, который бы доставил тебе, например, горючий лёд со дна одного из вулканов Ио! Нет, твой отец доставал образцы сам.

– Он был настолько крут?

– Он был крут. И ты будешь таким со временем. Опыт нарабатывается. Главное, что ты научился пользоваться альтернативным мышлением. И осознанно пользоваться.

– Чем?

– Интуицией и предвидением. Это называется альтернативным мышлением.

– Как это альтернативным?

– А так. Ты научился мыслить быстро, нестандартно, принимать решения на основе интуиции. Ты и раньше это мог. Только неосознанно, порывисто, независимо от себя. В ту минуту, когда твоей жизни угрожала реальная опасность.

На Гольче они сидели уже неделю. Совсем крошечный посёлок вокруг военной базы. Этакая мини колония. Все – гражданские специалисты в области геологии. И они трое – военспецы, отправленные сюда, чтобы определить уровень

опасности для гражданских на этой планете. С тех пор, как какой-то сержант споткнулся и упал в небольшую расселину, обнаружив при этом мощный выход на поверхность целого пласта меганита, металла сверхвысокой прочности, сверхвысокой лёгкости и являющегося абсолютным экраном для всех видов радиации, эта планета приобрела огромную ценность. Меганита во всех изведанных галактиках было найдено едва ли больше пол тонны, и то, только в остатках метеоритов. А тут, такие пласты, что тем, кто нашёл месторождение, небо в алмазах показалось.

Лихорадка началась такая, что первую партию спецов направили сюда, даже не удосужившись убедиться в полной безопасности жизнедеятельности здесь гражданских. Безопасностью занялись параллельно, прикомандировав их троих, что являлось грубым нарушением всех мыслимых и немыслимых правил и инструкций. Но, слишком много надежд возлагалось на эту находку.

– За неделю мы излазили всю окрестность на сто километров в радиусе, – лениво говорил Мэлс, тыкая пальцем в изображение обнажённой красотишки на развёрнутом голографическом экране. – Никаких признаков опасности. Планета напоминает Эдем, в котором жили Адам с Евой. Тут, даже, хищников нет.

– Ну, круг радиусом в сто километров, это ещё не показатель, – возразил желчный, и всегда язвительный Ипп.

– А, что показатель? – взвился Мэлс. – Что? Континент?

Полушарие? Вся планета? Надоело сидеть в этой дыре! Тут, даже, выпивки нормальной нет! Сидим на жиле породы стоимостью в миллиарды галактических империалов, а хлебаем дешёвое пойло, которое даже самогонкой можно назвать с большой натяжкой и с известной долей извращённой фантазии.

– Сто километров не показатель, – упрямо повторил Ипп.

– Вол, ну, скажи ему! Тут безопасней, чем у меня в душевой. Там, хоть, поскользнуться можно и башку разбить. А тут, даже климат такой ровный, что и простудиться нужно ещё постараться.

Он задумался. С одной стороны, Мэлс прав. За неделю ни одного намёка на опасность. Исследованной зоны в радиусе сто километров вполне достаточно для того, чтобы сделать заключение о безопасности добычи и дальнейшей геолого-разведки. Но что-то заставляло его согласиться с мнением Иппа. Ипп, конечно, возражал из-за своей противоречивой натуры. Выскажи Мэлс мнение, что им нужно продолжить анализ безопасности, Ипп с таким же желчным упрямством настаивал бы на прекращении исследований и скором отъезде. Но, всё-таки, что-то глубоко внутри, говорило о том, что сворачиваться рано.

Он вышел из сборного пенопластикового коттеджа и присел на скамейку. В помещении не сиделось. Что-то внутри никак не давало покоя. Вроде, о чём волноваться? Вон, забор военной базы, откуда в любую минуту придёт помощь

в виде роя изрыгающих смертельный огонь дронов, скоростных и маневренных ботов, оснащённых скорострельными импульсными установками большой мощности и, наконец, ударной группы космодесантников, сметающих всё и вся на своём пути. Да и про охранный периметр в виде минных полей тоже нельзя сбрасывать со счетов. Этот городок, возведённый на скорую руку строительными принтерами, вполне защищён. Тогда, что же не даёт покоя? Что?

Интуиция буквально взывала сиреной в голове. Опасность! Откуда? Он вскочил на ноги и бросился в коттедж.

– Мэлс! Ипп! Тревога!

Армейская выучка подбросила товарищей, и через три минуты они в полном снаряжении стояли во дворе, озираясь по сторонам.

– Это, что, такой прикол? – недоумённо спросил Мэлс, тем не менее, не опуская штурмовой винтовки.

– Да, кстати, – наверное, впервые в жизни согласился с другом Ипп.

– Опасность, – только и успел проговорить он, когда что-то громадное с воем рухнуло прямо на их коттедж, проламывая крышу и сминая стены.

– Что за? – начал было Ипп, когда соседний коттедж тоже сложился, словно карточный домик.

– На базу! – закричал Мэлс.

– Нет! – повинуясь внезапному озарению, ответил он. – Идём в обход, к буровой установке.

– Но...

– Никаких но! На базу нельзя. К установке!

Как ни удивительно, но его послушали. Продираясь сквозь мечущуюся в панике толпу, спотыкаясь о трупы, они шли к буровой, отстреливаясь от огромных теней, расшвыривавших людей, словно кегли. В воздухе уже давно стоял пряный запах крови, на губах чувствовался устойчивый медный привкус, а уши закладывало от криков ужаса и боли, изредка заглушаемого громоподобным рыком. Краем глаза он заметил, как на базе полыхнуло, потом ещё раз, и ещё...

Прибывший утром корпус космических десантников уничтожил объединённые племена полумразумных рептилоидов, напавших на колонию и спас единственных выживших: группу гражданских числом около двухсот человек, которых им троим удалось организовать и завести на буровую установку. Они тогда удерживали позиции до самого утра, отстреливаясь от лезущих с фатальной решимостью на стальные ограждения двуногих ящеров.

Уже утром, оглядывая усеянную трупами землю, остатки деревянных гигантских катапульт, с которых рептилоиды обстреливали огромными камнями колонию, сожжённую военную базу, на которой попеременно валялись тела космодесантников и ящеров, он никак не мог понять, что же предупредило его о возможном вторжении, и что толкнуло его искать спасения именно на буровой? Тогда он списал это на опыт.

– Как у тебя со службой? – поинтересовался у меня Чен. –
Вопросов не будет?

– Нет. Я подал в отставку и моё прошение удовлетворили.
Я – свободный человек. Странно, что вы не удосужились поинтересоваться этим раньше.

– Ну, я посчитал, что ты сам можешь распоряжаться своим временем. Раз ты согласился на обучение, значит, есть такая возможность. А сейчас, когда встал вопрос о твоём дальнейшем применении, тут и возникла необходимость выяснить, как служба может повлиять на твою миссию.

– Так, всё же, что за миссия?

– Пошли.

– Опять в технологические этажи?

– Нет. Вижу, тебе они не очень понравились.

– Совсем не понравились. Такое чувство, что меня похоронили заживо.

– А люди там всю жизнь живут.

– Это люди? Отбросы, которым на поверхности не нашлось места!

– Не стоит так радикально подходить к оценке людей. Ты же не знаешь, какие причины толкнули людей уйти туда. И, потом, многие поколения рождались, жили и умирали там, в технологической клоаке. Поверь, среди них были весьма достойные люди. В конце концов, та же Линь родом оттуда.

– Линь? – вспомнилась её комната в розовых тонах, со-

всем не похожая на нору жительницы подземелья. — Но, как?

— Мы нашли её там совершенно случайно. Она, ещё маленькой девочкой, зарабатывала на пропитание тем, что показывала фокусы по отгадыванию карт, поиску спрятанных предметов и предсказыванию судеб. Понимаешь, многие тысячи лет, войны, катаклизмы и другие бедствия разметали кураторов по свету. Естественно, мы ищем их. Стараемся притянуть к себе, пристроить. Но, нас много. И в других галактиках тоже есть. Они не знают о своём предназначении. И никто не знает, что они отличаются от других людей, точнее, совсем не люди. Окружающие считают их счастливицами, а они особо и не спорят. Просто пользуются тем, чем их наделили Древние.

Беседуя, мы вышли из ресторана, пересекли сквер и, выйдя на парковку, сели в компактный частный флаер малинового цвета с серебристой полосой по борту. Я мельком глянул на государственный номер. 01 ЧЕН. Ого! У Чена личный флаер. Да ещё и номер крутой. Неплохо живут Хранители. Или это только Чен такой богатый? Модель оказалась новой. Я такую только в голографическом журнале видел. Митсубиси-Бенц 50018S. На фоне большинства убитых флаеров десятилетнего возраста с изношенными антигравами в этом городе, эта машина выглядела пришельцем из другого мира.

Флаер поднялся и ввинтился в поток машин,двигающихся по улицам. Внизу проносились движущиеся тротуары, скверы и площади. Мелькнула гостиница, в которой я оста-

навливался до моего отъезда к средиземному морю. «Чудо света». Интересно, кто сейчас живёт в моём номере? Кстати, мне же опять нужно будет что-то решать с жильём. А не устроиться ли мне опять там же? Гостиница, хоть и старенькая, зато душ вполне себе современный. Жить можно.

– Остановишься в нашей квартире, – словно угадав мои мысли, нарушил молчание Чен.

– В вашей?

– У Файнов есть свой жилой фонд. Как раз для таких случаев.

– Надеюсь, не на технологических этажах?

– Нет, – засмеялся Чен. – Вижу, ты приобрёл к ним стойкое отвращение.

– Да. А почему вы тогда меня туда потащили, если есть возможность встречаться тут?

– Тогда наша разведка засекла отступников.

– Кстати, как они узнали, что я здесь?

– В наших рядах есть шпион. Крот, как говорили когда-то.

– Вы так спокойно говорите.

– Нет. Просто я хорошо владею собой. Эмоции тут не помогут. А наличие в наших рядах шпиона меня сильно волнует. Наши специалисты землю носом роют, но, пока, безуспешно. Появление диверсионной группы отступников почти одновременно с тобой, ещё одно доказательство существования крота. Перед тем, как тебе прийти ко мне вечером, мне доложили, что к ресторану направляются отступ-

ники. Поэтому я перенёс заседание высшего совета на технологические этажи. Но, оказалось, что они узнали о моём маневре и тоже спустились вниз. В принципе, это было их ошибкой.

– Почему?

– Диверсанты были не в курсе, что против чужаков объединяются все кланы технологических этажей. Они зашли в ловушку и вынуждены были сражаться в условиях полного окружения. В результате все уничтожены.

– А почему отступники пошли на такой риск? Почему, ради меня одного, как вы утверждаете, они рискнули целой группой?

– Ну, во-первых, Скальпелей очень мало, и они несут угрозу, прежде всего руководству отступников. Поэтому, будь на твоём месте другой Скальпель, их реакция была такой же. А во-вторых, у них тоже есть превосходные аналитики, умеющие считать последствия твоего посвящения. Думаю, они были в курсе, что на тот момент ты представлял собой потенциального Скальпеля. И их задача была не допустить твоей инициации.

– Почему, тогда, они не прислали своего Скальпеля, чтобы уничтожить меня?

– У них нет Скальпелей.

– Нет? Но как же так? Мы же одна раса!

– До раскола нам не нужны были ни Боевики, ни Проводники, ни Скальпели. А после раскола технологию инициали-

зации Скальпелей разработали мы. У отступников не получилось. Зато они используют человеческий ресурс в качестве пшечного мяса. А мы этого не делаем.

Это был штаб. Самый настоящий штаб Файнов. С виду обычный офис, каких в одном только этом здании сотни. Кабинеты, коридоры, снующие туда-сюда сотрудники, бот-секретарь в приёмной и огромный кабинет, в котором Чен сразу же прошёл к начальническому креслу и, усевшись, буквально утонул в нём.

– Это святая святых Файнов всего мира, – пафосно провозгласил он. – Центр!

– Звучит многообещающе, – хмыкнул я. – А что дальше?

– А дальше мы подходим к тому, зачем ты вообще прибыл сюда. Не в штаб, а на Землю. К твоей миссии.

– Ну, наконец-то! Я уже думал, что этот момент не наступит никогда.

– Чаю попьёшь?

– Может, хватит тянуть? – вдруг взорвался я. – Достали уже! Мало того, что распоряжаетесь мной, как вещью, так ещё и тянете с этой миссией! Говорите уже!

– Хорошо, – ничуть не обиделся Чен. – Тогда пойдём в конференцзал.

Мы вошли в большую комнату с колонкой головизора посередине огромного круглого стола. За столом сидели Валерий Фёдорович, Галина и живые и здоровые Игорь и Гриша.

– Чен, вы уверены, что молодой человек готов к тому, что ему предстоит? – продребезжал Валерий Фёдорович.

– Абсолютно уверенным быть нельзя никогда. Как и абсолютно готовым.

– Но существует степень готовности достаточная или недостаточная, – заметил со своего места, то ли Игорь, то ли Гриша.

– Думаю, он подготовлен достаточно. Тем более, что у Володи немалый боевой опыт.

– Опыт человека, а не Файна и, тем более, не Скальпеля, – возразила Галина.

– Во время многочисленных военных экспедиций у него проявлялись способности Куратора, и он ими пользовался. Неосознанно, правда, но пользовался. И, довольно успешно. Поэтому, я считаю, что, научившись владеть всем, что заложено в нём, он сможет выполнить эту миссию.

– Подождите, господа! – возмутился я. – Вообще-то я тут! И я живой человек! А вы копаетесь во мне, словно изучаете детали бота!

– Он эмоционально неустойчив, – не обратила внимания на моё возмущение Галина. – Я считаю, что ему необходимо пройти курс контроля над эмоциями.

– А я против! – не согласился Валерий Фёдорович. – Эмоции нужны. Слишком большая безэмоциональность вредит делу. А то, что Куратор, а тем более Скальпель, обладает человеческими эмоциями, ничего страшного.

– Меня кто-нибудь слышит? – опять сделал я попытку вмешаться в разговор.

– Подожди, Володя, – оборвал меня Чен. – Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы допустить Владимира к операции?

Руки подняли Чен, Валерий Фёдорович, Игорь и Гриша. Против высказалась только Галина.

– Вопрос решён. Переходим к деталям. По выкладкам наших аналитиков, отступники колонизировали одну из экзопланет и создали на ней свою империю. Это и есть центр, в котором концентрируются их силы и вынашиваются их планы. Наши попытки отыскать её, к сожалению, не увенчались успехом. Твоя программа максимум, как раз и состоит в том, чтобы её отыскать.

– Но, как я смогу это сделать, если вы всей своей мощью не смогли её найти?

– А вот это уже программа минимум. Те боевики, что попадают к нам в руки время от времени, набираются на других планетах, а то и на самой земле. Никто из них понятия не имеет, где находится метрополия отступников. Об этом знают только высокопоставленные их представители, имеющие возможность выбираться с планеты. Но они всегда окружены телохранителями и к ним не подобрёшься. По нашим данным на Зее, что в созвездии Гончих Псов, отступники оборудовали резиденцию для своего регионального представителя. Уж он-то точно знает, где находится их планета. Твоя

задача добраться до него.

– Это единственная резиденция ренегатов в галактиках?

– Нет. Есть и другие. Их достаточно много.

– А почему, тогда, именно она?

– Эта резиденция новая. Структура охраны, связь, коммуникации только налаживаются. Более лёгкая цель по сравнению с остальными.

– Хорошо. Допустим, я до резидента добрался. А потом? Допросить? Я не умею. Пытать? Увольте. Выкрасть? Пробраться через профессиональную охрану будет очень сложно. А уж выйти через неё с пленником на плечах, вообще невозможно.

– А вытаскивать его оттуда не надо. Ты получишь мнемоскоп. Полностью разработка Файнов. Он снимет себе на кристалл всё, что хранится в памяти этого представителя. Не спорю. Задание повышенной сложности. Но ты Скальпель. Ты предназначен для выполнения таких сложных миссий.

Я вышел из орбитального лифта, и сразу ощутил себя погружённым в кипящее масло. На Зее стояла жара. Горячий ветер обжигал лицо, а от плит космодрома веяло жаром, как от доменной печи. Низкий пенопластиковый модуль изображал одновременно и зал ожидания и терминал выхода прилетающих космопорта Новый Барнаул. На пыльной припортовой площади ожидали клиентов разъездные коммерческие транспортёры, а портовый механик, взобравшись на огром-

ное колесо, копался во внутренностях одного из них. Глядя на грубые плиты явно технического назначения, которыми была вымощена площадь, я порадовался, что не взял с собой свой саквояж, ограничившись обычной сумкой. Тяжело пришлось бы моему верному спутнику и помощнику в этом суровом краю.

Как бы в подтверждение моих мыслей, внезапно налетевший шквал ветра бросил мне в лицо горсть пыли и помчался дальше, развлекаясь жонглированием мусора, коего тут валялось в изобилии. Мимо прошёл какой-то мужик, ругаясь вслух над тем, как неуклюже переваливается чемодан, стараясь не отстать от своего хозяина. И снова я порадовался, что оставил на Земле свой саквояж. Уж точно нелегко бы ему тут пришлось.

– Что оглядываетесь? – поинтересовался сухонький старичок в старинных смарт-очках.

– Флаер ишу. Не по пыли же трястись на этих монстрах!

– А придётся, – рассмеялся старик. – Тут флаеры только у полиции и армии.

– Почему? Неужели непонятно, что передвижение по воздуху быстрее, экономичнее и удобнее, наконец?

– Этот мир только начинает колонизироваться. Вы понимаете, что это значит?

– Нет.

– Как всегда было в истории человечества, первую волну колонизации начинают люди неоднозначные. Наряду с силь-

ными и достойными, в ней всегда присутствует большой процент авантюристов всей мастей, людей с сомнительной репутацией, тёмных личностей, а то и, вообще, беглых преступников. Этакий крепкий бульон, из которого потом сложится нация. Но, пока, этому бульону доверять флаеры нельзя. И так взрывоопасная смесь получается. Так, хоть, пусть не летают, хотя бы. Вы, молодой человек, куда направляетесь?

– Мне в Аквилон.

– Вам повелю. Мне туда же. Если вы примете моё предложение, вам не придётся тратиться на наёмный транспортёр. Мой стоит за углом. Я его ещё с орбиты вызвал.

– Пожалуй, я приму ваше предложение.

– Ну, тогда пойдём.

Транспортёр старика выглядел так, как должен был выглядеть транспорт такого владельца. Старенький, с грубыми заплатками по бортам, с пятнами ржавчины на давно некрашеном корпусе, он имел четырёхместную кабину, оборудованную душем, туалетом и маленькой кухонькой, и транспортный отсек для перевозки грузов.

– Что, не похож на городских красавцев? – улыбнулся старик.

– Нет.

– Это настоящий транспорт фермера. Неказистый, но зато надёжный и мощный. Я, ведь, не в самом городе живу. У меня ферма, на которой я стараюсь выжить в этом суровом мире. Меня зовут Гай.

– Я – Володя.

– Поехали, Володя! Нам завтра к вечеру нужно будет добраться до города.

Дорога шла по каменистой пустыне, слегка разбавленной редкими купами деревьями. Колёса транспортёра с хрустом вминали камни в почву, мелкие грызуны размером с кошку выскакивали из нор и убегали подальше от этого страшного монстра, а яркое светило пыталось пробиться к нам сквозь поляризованное стекло кабины.

– Вы говорите, что освоение новых миров, это удел авантюристов? – наконец, вернулся я к разговору.

– Конечно! – заваривая чай в обшарпанном чайнике, ответил Гай. – А вы думали, что миры осваивают офисные работники? Или сияющие в ореоле славы герои? Оглянитесь вокруг. Вы видите тут обширную инфраструктуру, умные дороги, роботизированные комплексы управления климатом, дома с искусственным интеллектом? Нет, конечно, сейчас в немногочисленных городах на этой планете дома с искусственным интеллектом есть, но, поверьте, большинству колонистов и обычный кондиционер за счастье. Только авантюристы могут пойти на то, чтобы поменять комфортные условия на это.

– А вы тоже авантюрист?

– Нет. Я мизантроп. Я не люблю людей и быстро устаю от людского общения. Мне больше по душе одиночество.

– Представляю, каково вам было в трансгалактическом

лайнере.

– Да уж. Было несладко.

– И после этого вы предложили мне ехать вместе? Разве не хотелось вам, наконец, побыть одному.

– Я видел ваше замешательство и решил помочь. В конце концов, разве мизантроп не может изредка помогать ближнему? Но, смею вас заверить, на этой планете не так много людей, способных протянуть руку помощи бескорыстно.

– В городах, вы имеете ввиду?

– Не только. Здесь, на бескрайних просторах, встречаются довольно агрессивные группы вооружённых людей. И они не спросят вашего мнения о том, нужны ли вам ваши деньги, имущество или жизнь. Эти вопросы они решают без вашего участия. А в городах вообще жулик на жулике. Здесь ухо остро держать нужно всегда. И независимо от того, где вы находитесь.

– Ну, я тоже не ягнёнок.

– Моё дело предупредить. И ещё, надеюсь, что вы останетесь порядочным человеком.

– Я слышу скептицизм в ваших словах.

– Слишком много соблазнов представляет для слабых душ этот мир. И всё это при очень мягких законах.

– Поживём – увидим.

– Ещё, Володя, зайди в оружейный магазин и что-нибудь себе прикупи, – как-то ненавязчиво перешёл Гай на «Ты».

– В смысле?

– Оружие. Думаю, его у тебя нет.

– Нет, конечно. Я же не на службе. Зачем оно мне?

– На Зее разрешено открытое ношение личного оружия. Любого. Усёк? Есть, правда, несколько городов, где только короткоствол разрешён. Но это, скорее, исключение из правил. Это тебе ни о чём не говорит?

– Неужели тут так опасно?

– Ну, я бы не сказал, что так уж и опасно, но, если народ поголовно при оружии, то и тебе не стоит от них отставать. А там, кто его знает, может и пригодиться. Правда, палить из него направо и налево никто не позволит. Законы тут быстрые. Выстрел обосновать надо. Не обоснуешь – ответишь.

– И как отвечу?

– Если есть жертвы – то аннигиляция без разговоров. А если без жертв – возможны варианты. Вплоть до временного рабства.

– Временного чего?

– Рабства. Будешь пахать на одного из влиятельных донов города с правами не выше чем у бота. А сколько пахать, решит суд.

– И суд такое может присудить? А адвокаты?

– Нет здесь такого слова. Не завезли сюда адвокатов по причине ненадобности. Суд прямо на месте проводится тройкой.

– Какой ещё тройкой? – в моей душе зашевелилось что-то холодное и неприятное.

– Дознаватель, следователь и дон, которому данный район города принадлежит. Но без оружия ещё хуже. Пусть лучше у тебя будет оружие, которое не пригодится, чем у тебя его не будет, когда оно понадобится. Тем более, что это ещё и местный дресс-код

– Убедили.

– Ну, а раз убедил, то на восточной окраине есть оружейная лавка «Снайпер Кох». Найдёшь. Это не сложно. Там старый Ганс сидит. Привет ему от меня передай. Он тебе подберёт что-нибудь подходящее и лишнего не слупит. Понял?

– Понял.

Гай высадил меня на окраине города. Транспортёр укатил дальше по пыльной дороге, а я огляделся по сторонам. Одноэтажные пенопластиковые домики с подслеповатыми окошками, пеноблочными заборами и чахлыми игольчатыми деревьями во дворах. Узкая, замусоренная кривая улочка уходила вглубь города, и я пошёл по ней. Во дворах копошились грязные, неопрятные люди, босоногие детишки бегали по дороге. В тени придорожных кустов несколько полупьяных помятых личностей затевали вялую драку. Какой-то субъект увязался, было, за мной, но, вскоре отстал, напоровшись на мой недружелюбный взгляд. Даже не верилось, что я в городе. Не бывает таких городов. Я, по крайней мере, таких не видел. Временные поселения бывают. Но там всё-таки, дисциплина, а тут бардак какой-то.

Мимо пролетела машина, обдав меня пылью и влажным паром из потёкшего реактора. Я таких и не видел аппаратов. Сплюснутый сверху корпус с четырьмя широко расставленными большими колёсами по сторонам. Шильдика, или какой-либо другой информации о принадлежности к автомобильной фирме я так и не заметил. Интересно, где это чудо выпускают? Наконец, впереди, стали видны непривычно низкие десяти и пятнадцатизэтажные здания. Вот это уже что-то. Мне туда.

Амулет потеплел и перед мысленным взором возник образ Линь.

– Володя! Как ты?

– Добрался до Аквилона. Ну, скажу тебе, дыра, каких поискать! Двигаюсь к центру. Как доберусь, приступлю к социализации.

– Хорошо. Держи нас в курсе.

Даже на душе стало легче. Приятно вот так перекинуться парой слов с близким человеком. Особенно во враждебном мире, в котором я оказался. А то, что этот мир враждебен, я чувствовал всей кожей. Дорога из дешёвого пластика сменилась более респектабельным гростовым покрытием. Да и сами дома уже поднялись до пяти этажей, а потом и десяти и пятнадцатизэтажные. Судя по всему, выше домов тут ещё нет. Встречный народ стал чище и, вроде, одет получше, но выражение лиц совсем не изменилось. Всё те же нахмуренные брови, сжатые губы и настороженные взгляды. А машин ста-

ло гораздо больше. На одном из перекрёстков, даже, заметил какое-то подобие пробки. На развёрнутом экране коммуникатора я вывел план города. Место резиденции представителей отступников тут же запульсировало рубиновой звёздочкой. Ну, с эти понятно. Ага. До него ещё два квартала.

Теперь посмотрим, где мне остановиться. Нужна гостиница. Коммуникатор, получив команду, тут же вывел на карту точки, обозначающие отели города. По мере качества предоставляемого сервиса, точки были окрашены от блёклого зелёного до ярко салатového. На себе любимом я решил не экономить, поэтому выбрал одну ярко салатовую точку в квартале от резиденции представителя ренегатов. И сервис, надеюсь, достойный, и цель моя рядом. Удобно.

Отель назывался «Геден». Не особо раздумывая над этимологией названия, я шагнул в холл и сразу окунулся в приятную озонированную прохладу. Древний бот, место которому уже много лет на свалке, просканировал мой Ай Ди, заполнил форму и зарегистрировал меня в номере двести тридцать восемь, содрав с моего счёта аж пятнадцать империалов. Однако! Расценки, как в лучших земных отелях. Ну, ничего. У Файнов денег много. Не обеднеют.

Номер, конечно, моих ожиданий не оправдал. За такие деньги можно было бы и получше. Искусственный интеллект только со второй команды затемнил окна, интерактивных заставок в программах экранов не было предусмотрено, кухонный синтезатор ничего, кроме жиденького синтетического

чая и тоста с джемом не выдавал. И джем был с явным химическим привкусом. Кровать регулировалась только в двух плоскостях и то вручную, а душ вообще расстроил. Обычная лейка с бьющим из неё напором воды. Хорошо ещё, что голосом можно режим и температуру выбирать.

Сегодня решил никуда не идти. Дорога меня порядком вымотала, особенно сон в полу сидячем положении во время движения транспортёра. Сон, скажу вам, на любителя. Да и кое-какую информацию в сети поикать можно. Естественно, что кое-что я и на Земле нарыл. Но в таком деле важно буквально всё. Глобальная сеть, это, конечно, хорошо. Но в местной сети можно найти такое, чего с Земли не узнаешь. Слухи, например, сплетни, мелкие скандалы, любая мелочь, на которую крупные сетевые издания не размениваются. Выход в люди запланировал на завтра.

Первым делом в душ. Ну, бывало, конечно, и лучше. За пятнадцать лет службы, где только мыться не приходилось. На Тантале, например, в болоте плескались. Но за такие деньги! Даже режима сушки не было. Пришлось по старинке полотенцем вытираться. Потом опять пришлось уговаривать искусственный интеллект, чтобы сменил затемнённые окна на экраны со статичным изображением ночного неба с гипертрофированными звёздами. Уснул, практически, мгновенно.

Лунная дорожка пробежала по морской глади, а по ней ко мне приплыла лодочка с головой лебедя на носу. Линь в ле-

тящем свободном серебристом платье перепрыгнула невысокий бортик, пробежала по мелководью и чмокнула меня в щёку.

– Ну, как там у тебя? – поинтересовалась девушка, забавно склонив голову набок.

– Вникаю помаленьку, – ответил я, уже совсем не удивляясь появлению Линь.

– Хочу предупредить. На Зею направлена спецгруппа. Похоже, отступники знают о твоей миссии.

– Крот?

– Он самый.

– Когда вы его уже вычислите? И как я теперь буду выполнять задание?

– В руководстве встал вопрос о твоём отзыве. Слишком опасно. Спецгруппа прибыла с самой метрополии отступников. Настоящие профессионалы, и все по крови Кураторы. Это тебе не с людьми в единоборство вступать.

Вот тут мне бы и согласиться. Ан, нет. Гордость разыгралась. Я – ветеран экспедиционного корпуса, Скальпель во втором, или каком-то там, поколении, и отступать? Да никогда! Об этом я и заявил Линь.

– Я, конечно, доведу твоё мнение до руководства, но, думаю, что тебе оставаться здесь слишком опасно.

– Передай, что я справлюсь.

– Ну, дело твоё. Только предупреждаю, в случае опасности сразу уезжаешь.

– Договорились.

– Ну, тогда я отбываю. А ты, всё-таки, осторожнее.

– Обещаю.

Линь вспорхнула на лодочку и уплыла по лунной дорожке. Я проводил её взглядом и проснулся. С третьего раза уговорив искусственный интеллект заменить экраны на прозрачные окна, я полюбовался на яркое утреннее солнце и мусор, который по улице гонял ветер.

В ближайшем ресторане позавтракал на удивление вкусно. Кофе, правда, не было, но чай был неплохим, да и выпечка тоже оказалась вкусной. Итак, какие планы? Для начала нужно озаботиться оружием. Гай оказался прав. Тут я ещё ни одного человека без оружия не встречал. Даже на одноэтажной окраине, и то, в потёртых самодельных кобурах древние бластеры с треснутыми рукоятками носят. А тут, в центре, часто и с импульсными карабинами на плечах расхаживают. Типа, так и надо. Действительно, я тут, словно голый без оружия. На меня так и поглядывают. Точно. Первым делом бегу к этому Гансу. А потом? Наверное, стоит погулять возле резиденции представителя отступников. Как, бишь, его зовут? Хуан Карраско. Звучит, однако. И на фото такое породистое узкое, словно бритва, лицо с тонкими усами.

Это я вчера в местной сети посидел. Слухами и сплетнями интересовался. А, о чём почитать, было. Прибыл в Ак-

вилон, да и на саму Зею, наверное, около года назад. Сразу столкнулся с местными донами, которые попытались прогнать его под себя, но были биты. Потом было примирение, которое прошло с помпой, и заверения тех самых донов в дружбе и любви. Интересно. Чем же он их так пронял? Доны эти, наверное, тоже не лыком шиты. Логично было бы предположить, что они бы организовали этому Хуану затяжную войну на изматывание. А они так быстро сдулись. Наверное, аргументы этим Карраско были предъявлены уж очень убедительные.

А дальше вообще интересно. Этот резидент полгода назад начал вербовать людей в какую-то полувоенную частную структуру. С виду, вроде, ничего предосудительного. Ну, решил человек заняться охранным бизнесом. Что такого? Атмосфера здесь далеко не райская. Охранять, скорее всего, есть кого и от кого. Вот, только, судя по информации в сети, нанимает он, всё больше, отморожков. И, чем отмороженее кандидат, тем лучше. Вопрос: для чего ему эти бандиты? С такими много не наохраняешь. Сами обнесут. Нет. Тут что-то другое. А что? Для чего нужна целая армия? Не Земля ли целью является? Что-то мне подсказывает, что, если копнуть других региональных представителей этих отступников, картина будет такой же.

Вспомнился ночной разговор с Линь. Ну конечно! К нему же прибыла группа, состоящая из кураторов. Именно для того, чтобы всех этих отморожков в узде держать. Это к баб-

ке не ходи. Скорее всего. А то, что я появился, это совпадение. Тем более для Хуана приятное, что у него есть уже усиление в виде спецгруппы. И я здесь, и спецгруппа против меня уже на месте. Наверное, так правильнее. Так что, Чен немного ошибается. Не ради меня они прибыли. Надо, обязательно надо погулять возле резиденции. Свежим воздухом подышать, на людей посмотреть. Вот, после оружейной лавки и пойду. А там уже видно будет, что дальше делать.

Комуникатор быстро проложил маршрут. В принципе, не так уж и далеко. Но по жаре плестись через половину города, уворачиваясь от особо наглых машин, как-то не хочется. Автоматически развернул сервисный файл, чтобы вызвать флаер, но вовремя опомнился. Гай же говорил, что на Зее флаеры только у военных и полиции. Разочарованно вернул экран в режим навигатора. Хотя, кто сказал, что наёмными должны быть только флаеры? Опять развернул гаджет, и сразу же на запрос откликнулась такси – фирма «Колесо». Радуюсь своей догадливости, вызвал машину и, чтобы скоротать время, стал разглядывать улицу через витрину ресторана.

Машины подбешивали. Конечно, на базах, в различных, часто не обжитых совершенно, уголках вселенной, часто приходилось видеть транспортёры, проезжавшие мимо жилых модулей. Но это, всё же, были обычные временные базы, да и техники в жилых секторах было не много. А тут, пока я сидел в ресторане, проехало мимо не менее двадцати машин разных форм и размеров. И как это можно: на одном уровне

и люди, и техника? И люди под колёса не попадают. Привыкли. А мне всё это аж до зубовного скрежета непривычно.

Рядом с входом в ресторан резко, подняв столб пыли, остановилось что-то, напоминающее гибрид сильно уменьшенного в габаритах транспортёра и, наверное, медицинского модуля на колёсах. Коммуникатор вздрогнул и выдал: «Заказанное вами такси ожидает вас у входных дверей в ресторан. Грязно-белый Грейн-висконт номер 26 ВМ». Марку такую я слышу впервые, а то чудо, что так лихо припарковалось у дверей, было как раз грязно-белого цвета. Как бы не за мной. Ну, что же, сходим, проверим. Всё равно я уже всё доел и уже минут пять просто пялился в витрину. Проведя по считывающему устройству своим Ай Ди, я расплатился и вышел из ресторана. Чудо явно ожидало меня. По крайней мере, номер был тот же.

В ожидании, пока бортовой компьютер откроет мне дверь, я разглядывал уродца, претендующего на гордое звание такси, когда передняя дверца открылась, и из неё высунулся совершенно чёрный лысый детина в пёстрой рубашке.

– Дядя! Ты вызвал меня так, полюбоваться, или мы едем куда-то? – проорал он на чудовищной смеси языков содружества, сверкая при этом белками глаз на угольно чёрном лице.

– Едем, – только и нашел, что сказать я и, открыв ручную дверцу, уселся на пассажирское сиденье.

Сказать, что я был удивлён, это ничего не сказать. Впер-

вые я видел такси, управляемое человеком. Вот, честно, положи руку на сердце. Такого просто не бывает. Ну, зачем, скажите мне, таксомоторной компании тратиться на зарплату человеку, когда с такими несложными обязанностями справится бортовой искусственный интеллект?

– Что такой удивлённый, дядя? – опять сверкнул белками таксист.

– Да, как-то, не привык, что в такси человек работает.

– Так, ты приезжий, что ли? Тогда понятно. Тут у нас приезжих мало. А те, кто есть, тоже так на меня реагируют.

– Но, ведь, бот куда выгоднее.

– Не спорю. У моего хозяина все машины ботами управляются.

– А ты?

– А я по договору с ним. На процентах. Машина моя. С него заказ и процент с оплаты. А с меня всё остальное: и техосмотр, и ремонт, и лицензия.

– И как? Устраивает тебя?

– А почему нет? Водить люблю, с людьми общаться нравится, да и людям приятнее со мной поболтать, чем с бездушным компьютером. Меня, кстати, Джим зовут.

– Очень приятно. Я – Володя.

– И каким ветром тебя в нашу глухомань занесло, Володя?

– По делам приехал.

– В командировку, что ли?

– Ну, типа того.

– Не завидую. Куда сейчас едем?

– Лавка «Снайпер Кох». Знаешь такую?

– Это к старику Гансу? Знаю, конечно. Будь спок. Домчу мигом.

Высадив меня возле приземистого ангара из вездесущего пенопластика, Джим всучил мне на прощание синюю пластиковую визитку и умчался по улице, обдав меня клубом пыли. Прочихавшись, я огляделся. По всей видимости, это район промзоны. Высокие заборы со штангами охранного периметра, ряды каких-то ангаров, близко родственных тому, возле которого меня оставил таксист. Одно отличие: на «моём» вывеска в виде мишени, в которую вонзается стрела с надписью: «Снайпер Кох». Двери предупредительно раскрылись передо мной, пожаловавшись попутно мне на жизнь скрипнувшим механизмом, и я вошёл в полутёмный зал с высокой стойкой синего камня, за которым вдоль стен в темноту уходили стеллажи с тем, что человечество изобрело для уничтожения себе подобных.

Оглянувшись по сторонам, я не заметил никого и, прокашлялся, обозначая своё присутствие. Тень в тёмном углу стойки шевельнулась, и оттуда выплыл костлявый, словно экспонат анатомического музея, совершенно лысый старикан.

– Добрый день, молодой человек, – прокаркал он неожиданно скрипучим голосом. – Чем могу быть полезен?

– И вам здравствуйте, – ответил я, с интересом оглядывая своего визави. – Если вы и есть старина Ганс, то я к вам.

– Вы по адресу. Так, чем, всё-таки я могу быть вам полезен?

– Видите ли, я в вашем городе, да и на вашей планете тоже, гость. Поэтому и не озаботился ни о чём стреляющим. Просто не знал, что тут это необходимо. А, вот, мой знакомый мне разъяснил требования местного дресс-кода и посоветовал обратиться к вам.

– Да? И кто такой этот ваш знакомый?

– Гай.

– Гай? Он вернулся? Вот мерзавец! А говорил, что останется на Кримпсе до конца года! Ну, надо же, вернулся на Зею и так и не появился у меня! Вот, пусть только появится! Уж я ему устрою!

Похоже, упоминанием о Гае я старика только разозлил. Точно теперь подsunет мне какую-нибудь рухлядь. Хотя, за пятнадцать лет службы, какой-никакой опыт я, всё-таки приобрёл. Не так уж и легко мне подsunуть кота в мешке. Но, кто знает этих торгашей?

– Так, что вас интересует, молодой человек? – вернулся к своему бизнесу Ганс, неожиданно легко и быстро успокоившись. – Пойдёмте, я вам устрою небольшую экскурсию.

Ну, точно хочет заболтать и втюхать мне какое-нибудь барахло. А, что делать? Не учили меня грубить старшим. Следом за продавцом я проследовал к стеллажам.

– Колющее-режущее интересует?

– Да нет. Как-то не нужно мне, – я представил, как хожу с виброкинжалом по центру города, и мне стало смешно.

– А зря. Смотрите: вот тут интересные экспонаты. Например, вот этот кортик с плазменным пистолетом, встроенным в рукоять. Прекрасная вещь. Представьте удивление вашего противника, когда в самый разгар ножевого боя он, вдруг, получает в лицо разряд плазмы.

– Но я не собираюсь устраивать ножевой бой!

– Напрасно. Нельзя быть таким самоуверенным. А вот интересный экземпляр. Вибронож с разворачиваемой силовой защитой корпуса.– Нет. Не нужно. Мне бы...

– Вот! Прекрасный лазерный мачете! Правда, туристическая версия, но тоже ничего. Лезвие до полутора метров, аккумулятор держит заряд долго, неприхотлив и не требует особого обслуживания. Достаточно периодически чистить от нагара лучевой канал, чтобы луч не размывался, и всё.

– Давайте, всё-таки, перейдём к чему-нибудь стреляющему.

– Как скажете. Скажите, а вы стариной не увлекаетесь?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Вот, полюбуйтесь: бластеры ММ-24! И в хорошем состоянии!

И, действительно, на стеллаже стояли, сверкая хромированными деталями именно те самые бластеры, с которыми когда-то наши предки начинали колонизировать первые пла-

неты. Я протёр глаза и с недоверием потрогал эти тяжёлые, неповоротливые аппараты с причудливыми наростами по бокам и спиралью по всему стволу.

– Настоящие?

– А вы как думали? Самые, что ни на есть. Правда, пришлось повозиться, чтобы привести их в пристойный вид, но оно того стоило. Это же история!

– И, что, покупают?

– А то! Берут. Правда, больше в коллекцию.

Ну да. С таким попробуй, потаскайся. Тяжёлый и неудобный. Разве, только, в коллекцию. Но меня, увы, оружие особо не интересует. Набегался я с ним за пятнадцать лет, настрелялся вдосталь. Как говорил мой друг Пауль: глаза бы мои его не видели. Покупаю оружие только по необходимости.

– Хорошо, давайте перейдём к более современным образцам, – быстро сменил тему Ганс, заметив скептическое выражение моего лица. – Пойдёмте вот к этому стеллажу. Лучевой карабин Клематис 907. Хорошее штурмовое оружие, поворотливое и мощное. Аккумулятор заряжается до ста процентов всего за четыре минуты. В комплекте ещё два аккумулятора, фазированная решётка почти новая, я доработал его ещё немного агулятором на основе триникса, поэтому нагар практически не оседает.

– Нет. Большой, да и не нужен он мне такой. Тем более, что древний.

– Ну, то, что его сняли с вооружения, ничего не значит.

Зато он надёжный. Хорошо, если поновее, импульсная штурмовая винтовка Глетчер 154М. Разрабатывалась для спецподразделений. Имеет электронный двадцати пяти кратный прицел с выведением картинки на смарт или на сетчатку глаза. Как вам?

– Хорошая штука, – любовно погладил я винтовку, с которой отбегал по разным планетам лет восемь. – Знаю её. Действительно хорошая вещь. Только мне нужно что-нибудь поменьше. Карманного размера.

– Так вам короткоствол нужен? Сразу бы сказали. Пойдёмте туда.

Мы подошли к очередному стеллажу, который стоял совсем недалеко от стойки.

– Вот, пожалуйста. Если вам нужно недорогое, но эффективное оружие, обратите внимание на вот эти бластеры.

Я коротко глянул на предлагаемый товар и скривился. Точно такие я видел у гопников в пригороде, когда только прибыл сюда. Пошарпанные пластиковые корпуса, вручную кое-как перемотанная спираль и решётка, зияющая прогоревшими ячейками. Нет уж, увольте. Мне это добро и даром не нужно. Да ещё учитывая то, что после пары выстрелов аккумулятор разряжается на треть. И, даже, бесплатный комплект полевого зарядного устройства в подарок не изменит моего мнения. Хлам, он и есть хлам. Само собой, воевать я не собирался, но опыт пятнадцати лет армейской службы просто кричал: если берёшь оружие, полагайся на него, как

на самого себя.

В итоге, я остановился на компактном плоском луче­мёте Сайбр 56, достаточно удобном, лёгком и приспособленном для скрытого ношения, а также импульсном армейском пи­сто­лете Удар 212 в тактической кобуре. Оружие знакомое. Сайбр я сразу засунул в потайной карман комбинезона, а Удар решил повесить на клипсе на бок. Вот теперь я не отличаюсь от других жителей города. Авось, не пригодится. А если, всё-таки доведётся стрелять, то я подготовился.

– Ещё одна просьба, – обратился я к Гансу. – Не могли бы вы установить электронный прицел с Глетчера 154М на Удар? Естественно за отдельную плату.

– Ну, вообще-то подобный тюнинг не совсем законен, – замялся старик. – А! Ладно. Раз за вас поручился сам Гай, сделаю.

– Извините, но Гай не поручался за меня. Он просто порекомендовал мне ваш магазин.

– Это одно и то же. Гай попусту не станет, кому попало, советовать. Если он вас направил ко мне, значит, он за вас ручается.

Ну, тут не поспоришь. Осталось только дож­даться завершения тюнинга моего писто­лета, рас­считаться с хозяином. Раскланяться и покинуть эту гостеприимную лавку.

Выйдя из прохладного кондиционированного помеще­ния, я вновь окунулся в знойную атмосферу пыльного Акви-

лона и с удивлением уставился в то же самое такси, на котором приехал сюда.

– Джим? – воскликнул я, увидев знакомую угольно чёрную физиономию. – Ты как здесь?

– Да вот, подумал, что тебе отсюда надо будет как-нибудь выбираться. А, если без заказа, то весь гонорар мой.

– Логично, – согласился я, усаживаясь на сиденье. – Тогда давай назад. В центр меня доставь.

– Будет сделано по высшему разряду!

Ну, насчёт высшего разряда он погорячился. Не тянет его тарахтелка на люкс. А, если учитывать его манеру вождения, то вообще ниже низшего. Но разочаровывать его я не стал. В принципе, он прав. Есть что-то душевное в том, что водитель человек, а не бездушный искусственный интеллект. Правда, разговорчивость у него я бы прикрутил, если бы знал, как. Болтал Джим со скоростью автомата для забивания свай. Так же быстро и неумолимо. Мне и отвечать не надо было. Достаточно только междометий, вставленных в нужных местах, а, порой, мне казалось, что и междометия не нужны.

Резкая остановка бросила меня головой в лобовое стекло, и система безопасности, вовремя меня подхватившая, спасла, как мой лоб, так и остекление машины. Придя в себя, я глянул вперёд и сразу увидел причину остановки. На перекрёстке, нагло игнорируя все правила, по перпендикулярной улице двигался кортеж. Два транспортёра, размерами немного не дотягивающих до армейских планетарных, чёрный бро-

нированный Линкольн-галактика явно земной сборки и создали опять два транспортёра.

– Кто это такой борзый? – поинтересовался я, справившись, наконец, с системой безопасности.

– Кто же ещё? – с неприкрытой злобой ответил Джим. – Хуан Карраско собственной персоной.

– Что? Крутой перец? – сделал я наивный вид.

– Круче некуда.

– А кто это такой?

– Да, непонятно. Мутный тип. Прибыл сюда год назад и сразу пальцы веером, бабками сорил, что я мусором. Его местные доны хотели за жабры взять. Всё-таки дойная королева хорошая показала. Вот так прижмёшь, и она начинает бабки отстёгивать за своё благополучие и безопасность.

– И что? – в принципе, самую фабулу я знаю. Интересно другое. Как, всё-таки этот синьор Хуан смог выпутаться?

– Что, что? Ну, наехали на него, ну, припугнули. А он возьми, да и выкради особо значимых членов семейства у этих донов. У кого сына, у кого дочь. А у кого мать или отца. Так эти доны сразу шёлковыми стали, хоть верёвки из них вей. Говорят, все эти заложники до сих пор у него в особняке живут. Ни в чём не нуждаются, правда, но и за ворота у них ходу нет.

Интересно. Этот Карраско действительно крутой перец! Я далёк от мысли, что все доны настолько глупы или беспомощны, чтобы у них можно было так легко выкрасть ко-

го-нибудь из горячо любимых родственников. А он смог.

– И, что? Он, вот, так просто пришёл и всех выкрал?

– А, вот, это никто не знает.

– Как так получилось? Ведь к любому дону в дом совать-ся, думаю, лучше сразу в клетку с кошерами танландскими. Быстрее отмучаешься.

– А он смог. Говорят, – тут Джим понизил голос. – Что он колдун.

– Так уж и колдун? – засмеялся я.

– Не хочешь – не верь, – обиделся таксист. – Только другого объяснения я, лично, не вижу.

Ну, колдун он, или не колдун, а куратор, судя по всему, не слабый. Далеко не слабый. Что меня совсем не радует. Мне, ведь, с ним не чай распивать. Он – мой противник. И с ним я в ближайшем будущем сойду лицом к лицу. Что-то меня эта перспектива не радует. А что делать?

Джим высадил меня у небольшого кафе напротив резиденции Хуана. Кафешка оказалась довольно уютной, а через большие витринные стёкла, не облагороженные рекламными экранами, резиденция просматривалась достаточно хорошо. В прохладном кондиционированном воздухе распространялся аромат кофе и сдобы, единственный бот – официант двигался бесшумно, а немногочисленные посетители разговаривали в полголоса. Хорошее место. Мне понравилось. Я заказал чашечку кофе и прикрыл глаза, делая вид,

что просматриваю новостной сайт. Кофе оказался довольно таки достойным. Я сделал глоток и принялся рассматривать жильё господина, или сеньора Карраско.

Особняк выглядел достаточно претенциозно. Трёхэтажный (это в центре города!), выстроенный в форме буквы «П» ножками к улице, он выделялся от других строений, как архитектурой, так и материалом. Никаких пенопластиковых или пенобетонных блоков, из которых строят дома строительные боты. Только кирпич! И кирпич ярко малинового цвета! Такое здание обошлось всяко дороже тех же пятнадцатизэтажных построек, которых в центре тьма тьмущая. А Хуан – мужик с претензиями! Не любит быть в тени. И денег у ренегатов, видать, куры не клюют, раз разорились на такой особняк. А, если учесть то, что он обнесён красивым забором из витой тилениновой арматуры, за которой просто заросли андиранского клёна, то стоимость этой резиденции взлетает вообще до космических высот.

Сквозь ажурные ворота просматривался внутренний дворик, на котором неспешно расхаживали какие-то люди. Вели себя они довольно по-хозяйски и явно не тянули на наёмников. Тогда, получается, я вижу именно бойцов спецгруппы, состоящей полностью из отступников. В особняке у представителя ренегатов, относящихся к людям, как к бросовому материалу, простые наёмники просто не могут вести себя так уверенно. Немного в стороне, у достаточно вместительного гаража я разглядел тот самый Линкольн-галактика, из-за ко-

торого чуть не расквасил себе нос совсем недавно. Ага. Значит, сеньор Карраско уже дома.

Внезапно в голове родилась сумасшедшая мысль. А, что я, собственно, хожу вокруг, да около? Что усложняю, в конце концов? Я же Скальпель! А, значит, я на голову выше всех этих ренегатов вместе взятых. Вот, сейчас, замедлю время, войду в особняк и проделаю всё быстро и аккуратно. Откинувшись на спинку стула, я положил руки на столешницу, выровнял дыхание и сразу почувствовал, как загустел воздух. Все движения замедлились почти до полной обстановки, словно мир кто-то опустил в густой глицерин. Вот, только люди в особняке Хуана продолжали двигаться точно так же, как и до моего эксперимента со временем.

Опешив, я расслабился, и тут же бот со своей обычной скоростью прошмыгнул мимо меня, а машина на улице умчалась вдаль, оставив после себя медленно оседающий клуб пыли. Вот это номер! Как это вообще возможно? Я, как Скальпель, намеренно выпадал из времени, и, вполне естественно, что время для меня замедлялось. А как тогда ренегаты смогли? Они, что, вместе со мной выпадали? Синхронно? Но это невероятно! Они просто не могли синхронизироваться со мной, даже, если предположить, что они знали обо мне. Хотя, почему я решил, что обо мне они не знают? Нельзя забывать, что крота в организации ещё не выявили, и Линь как раз предупреждала меня о том, что прибытие спецгруппы вполне может быть связана со мной. Но это никак не

может объяснить то, что отступники выпадали из времени вместе со мной. Или может? Стоит подумать. Во всяком случае, ни о какой лёгкой победе и мечтать не стоит. Противник серьёзнее, чем я предполагал.

Расплатившись за кофе, я поднялся и вышел из кафе, сразу окунувшись в горячий воздух улицы. Жара. Вполне понятно, что улицы пусты. Разве, только, редкие прохожие встречаются изредка. Вспомнив о том, что здесь люди и машины находятся на одном уровне, поэтому дорожное движение представляет опасность для человека, я посмотрел налево, направо и, только после этого, перешёл проезжую часть. С видом гуляющего бездельника побрёл вдоль ажурного забора, искоса оглядывая внутренний дворик. Видно было плохо. Мешала буйная зелень, которую, скорее всего, специально завезли с Андрианы и вырастили в ускоренном режиме, чтобы не дать зевакам и другим любопытствующим разглядывать что-то во дворе. Ну, да, придумано неплохо. Глухой забор бы настораживал и рождал ненужные мысли. А тут, вроде и не скрывают ничего. Забор ажурный, просматривается насквозь. А то, что растительность смотреть мешает, так это хозяин очень зелень любит. Ничего предосудительного.

Не солоно хлебавши, я дошёл до угла и свернул в проулок. И чего я добился? Тоже мне, супершпион! Если ренегаты меня ещё не вычислили, то уж сейчас точно срисовали. Кто же это по такой жаре прогуливается по тротуарам? Люди

тут, по всей видимости, выбираются погулять вечером, когда дневной зной идёт на убыль и можно не бояться получить солнечный удар и не обливаться потом. Вечером нужно было пройтись. Тогда в толпе я бы не выделялся. А тут выперся, словно прыщ на лысине. Вот он я. Смотрите! От жары, что ли, мозги размякли? Наверное, стоит, всё-таки вернуться в отель. Посижу в комфортном кондиционированном номере, мозгами пораскину, может, с Ченом свяжусь. Стоит обсудить с ним создавшуюся ситуацию.

В фойе гостиницы было прохладно и безлюдно. Только застывший за стойкой бот и какой-то мужчина, развалившийся на широченном диване со стаканом ядовито зелёного сока в руках. Я прошёл к лестнице, поднялся на этаж и, минуя бота-горничного, отпер дверь и шагнул в номер. Чувство, что кто-то здесь был, нахлынуло внезапно. Внимательно, буквально по миллиметру, оглядел апартаменты. Всё, вроде, на своих местах. Хотя, вот этот журнал я, кажется, клал на столик, а он сейчас лежит на барной стойке. Или я его сам переложил? Не помню.

Вспомнилось, что по дороге сюда я несколько раз замечал человека, который шёл метров на двадцать сзади. Или это был не один и тот же человек? Если специально не обращать внимания, вполне можно и ошибиться. Местные по такой жаре особыми изысками в одежде себя не балуют. У всех сандалии на босу ногу, широченные штаны да свобод-

ные рубахи кричащих расцветок. Так, что с уверенностью сказать, шёл ли за мной один и тот же человек, или это были разные случайные прохожие, невозможно. По крайней мере, сейчас. Теперь буду повнимательнее.

А в номере кто-то всё-таки был. То ли отголосок чужого запаха, то ли след чужой ауры. Или у меня уже паранойя разыгралась? Ну, здравствуй, мания преследования! А мужик в фойе? Я его раньше не видел. Хотя, сколько я здесь? Суток ещё не прошло. Мог и не сталкиваться с ним. Обычный жилец. Может, даже из номера, напротив. А, что он в фойе делал. Мне даже показалось, что он на мне на долю секунды взгляд задержал. Меня пасёт? Вполне может быть. А может и не быть. Я осторожно прошёлся по номеру, заглянул в сумку, убедился, что вещи лежат точно так же, как я их и укладывал, потом осмотрел шкаф, колонку телевизора, журнальный столик, диван, кресла, стойку бара. На одной из бутылок отметил смазанный след пальца. О чём это может говорить? Да о чём угодно. Этот след мог оставить я, или предыдущий жилец. Да мало ли вариантов? А мог оставить тот, кто заходил в мой номер в моё отсутствие. Что, всё-таки со мной? Паранойя? Или, всё-таки, меня уже взяли в разработку, и пора начинать волноваться?

Чен вышел на связь сразу, словно только и ждал моего вызова. Сквозь дымку подпространства проступило его скуластое узкоглазое лицо.

– Как дела, Володя? Линь сказала, что ты решил продол-

жать и отказался уезжать.

– Да. Так оно и есть. Попробую, всё-таки довести миссию до конца.

– Но тебя что-то тревожит.

– Противник попался уж очень сложный. Я и не ожидал.

– Рассказывай.

– Этот Хуан Карраско и сам по себе достаточно серьёзный тип. Умудриться прогнать под себя всю местную мафию так, что они при нём и дышать боятся, это надо ещё суметь. На сегодняшний день он самый влиятельный в городе, и не удивлюсь, если на всей планете тоже.

– Вполне в духе ренегатов, – хмыкнул Чен. – Они презирают людей и не скрывают этого. В случае своей победы они устроят геноцид по всему миру.

– Мне, всё-таки, непонятно, что они так за эту Землю зацепились? Я бы на их месте потихоньку обитаемые миры к рукам прибирал, раз вы там им не даёте развернуться. А потом уже навалился всей межгалактической мощью.

– Не всё так просто. Земля, это единственный оставшийся источник силы. Марс и Венера не в счёт. Там источники силы были уничтожены взаимными ударами. А на Земле он есть. И, пока этот источник силы принадлежит нам, они не могут открыто выступать нигде. Это, конечно, не означает, что они бездействуют. Их представители рвутся во властные структуры планет и галактических союзов и немало в том могли преуспеть, если бы не наше противодействие. А, вот,

если им удастся нас победить на Земле, тут уж они разойдутся в полную силу.

– Кстати, Этот Хуан Карраско набирает армию наёмников пот прикрытием охранного агентства. И, скажу я вам, набирает таких отморожков, что клейма ставить негде. Считаю, стоит вам проверить по другим представительствам ренегатов в разных галактиках. Там, скорее всего, будет аналогичная картина.

– Думаю, ты прав. Нужно проверить. Если это так, то нас впереди ждёт крупномасштабная война. А что со спецгруппой?

– Вот тут вообще всё непонятно. Я наблюдал за ними из кафе напротив и решил замедлить время, чтобы проверить кое-какую идею.

– Я даже знаю какую, – засмеялся Чен. – Ты хотел в замедленном времени проникнуть в дом к Караско и по-быстрому разделаться со своей миссией.

– Ну да, – озадаченно согласился я.

– Не стоит недооценивать противника. Если бы это было возможным, мы бы давно уже справились с миссией, даже не привлекая тебя. Что дальше было?

– А то, что все эти бойцы выпали из времени вместе со мной.

– Это уже серьёзно, – встревожился мой собеседник. – Тебе срочно нужно оттуда уезжать. Ты слышишь? Срочно!

– Что такого случилось?

– Этот противник тебе не по зубам.

– Почему?

– Да потому, что они гораздо сильнее тебя. Я и не представлял, что у них настолько серьёзная подготовка. И никто не представлял. Ты понимаешь, что они не вместе с тобой из времени выпадали? Они постоянно находятся вне времени! Не думал, что такое возможно.

– Разве так бывает? Тут на время выпадаешь и то, сколько сил на это тратится. А на постоянно это откуда они столько энергии берут? Нет. Это нереально.

– Как видишь, реально. И, если на это способны бойцы, то на что способен сам резидент?

– Я бы, всё-таки, не спешил уезжать. Можно ещё покрутиться, посмотреть, глядишь, и подвернётся что-нибудь.

– Ты уже засветился. Твои игры со временем не остались незамеченными, это уж точно.

– Значит, мне не показалось.

– Что?

– Похоже на то, что на улице за мной следили. И в номере кто-то был. Я это всё списывал на паранойю, а, если они засекли меня, то это точно не мания преследования.

– Быстро они. Сразу среагировали. Тогда тебе тем более нужно срочно выбираться оттуда, пока они тебя не обложили. Всё. Приказываю тебе уезжать.

– Понял. Сделаю.

Покидать вещи в сумку и вызвать по коммуникатору Джима, было делом нескольких минут. Спускаясь по ступенькам лестницы, я задумался над тем, как быстро стали разворачиваться события. Интересно, с какого этапа Карраско взял меня в разработку? С момента моего эксперимента со временем? Что-то слишком быстро он среагировал. За такой короткий срок приставить ко мне слежку было можно. А, вот, выяснить, кто я такой и в каком отеле остановился, проникнуть ко мне в номер и аккуратно обыскать, это вряд ли. Даже при всех сверхспособностях этого Хуана. Ну, невозможно это проделать так быстро! Гостиница находится не так далеко от его резиденции. Значит, меня вели с самого начала. Спасибо кроту. Вот вычислят его, от всей души поблагодарю эту сволочь.

Тогда, почему этот Карраско ничего не предпринимал? В случае с донами, например, он долго не рассусоливал и с ходу перешёл к силовым методам. А тут, молча выжидать и ограничиваться слежкой? Непонятно. Я прошёл через фойе мимо того же мужчины с соком, на этот раз жёлтым, и сразу увидел знакомое несусразное такси. Что-то быстро он приехал. Словно за углом стоял. Джим вышел из машины и широко улыбнулся мне. Как-то нехорошо улыбнулся. Недружелюбно. И руку на кобуру положил. И как это понимать?

Шевеление сзади заставило меня обернуться. Мужчина отставил сок в сторону и сейчас целился в меня из мощного импульсного Малино. Хорошая штука. Убойная. Ими спец-

наз вооружают. Немного больше пистолета и значительно меньше карабина. Мощный долгоиграющий блок питания, концентрированный луч с узким конусом, удобная рукоять и компьютерный прицел, сам наводящий на цель. Вот и силовые методы. Но таксист! Он-то здесь каким боком? Ну, конечно же! Его ко мне аккуратно подвели. И меня не насторожило, что в такси водителем человек, и что он ждал меня у «Снайпер Коха». Ну, конечно же! От доброты душевной он меня остался ждать. Артист!

– Ты, дядя, лучше не дёргайся, – проговорил Джим. – Целее будешь. Я стреляю хорошо. И Сильвер не промажет. Правда, Сильвер?

– Уж будь спок! – пробасил мужчина за моей спиной.

– Лучше бы ты сок пить продолжал, – решил ответить я. – Всё полезней для здоровья, чем железками в людей тыкать.

– Заткнись и лезь в кабину, – прорычал Сильвер.

Ну, в кабину я всегда пожалуйста. Только без спутников желательно. Что-то они мне разонравились. Рывком я вывалился из времени и бросился в сторону. Джим застыл, словно муха в янтаре, а, Сильверу этот мой фокус помехой не стал. Он рванул вперёд и выстрелил в меня из своего Малино. Как я уже говорил, это убойная штука. Вот, только она из времени-то не вывалилась. В результате на решётке возник раскалённый пузырь, который медленно лопнул и из него очень и очень медленно стал вырастать луч импульса. У Сильвера случилось что-то вроде культурного шока. С рас-

ширенными от удивления глазами он смотрел на своё оружие и не мог понять, почему выстрела не получилось.

Я, конечно, в спецназе никогда не служил. Но в экспедиционном корпусе во всех подразделениях подготовка что надо. И, уж, пятнадцать лет службы даром не прошли. Пусть этот Сильвер и боец спецгруппы, но мой хук с левой он пропустил и, вскинув высоко ноги, зарылся вниз головой где-то между креслом и диваном. Восстанавливать поток времени пока не стал. Мне просто необходимо было кое-что прояснить. Сильвер находился в прострации. По-видимому, под впечатлением от моего хука. Пришлось вклепить ему пару пощёчин, чтобы он пришёл в себя.

– Поговорим, спросил я, как только взгляд моего пленника стал более осмысленным.

– О чём?

– А, что, не о чём. Например, о продолжительности твоей жизни.

– И ты сможешь меня убить?

– Элементарно. За столько лет службы в экспедиционном корпусе убивать мне приходилось неоднократно. И с особой жестокостью. Поверь, в экспедиционном корпусе нормальные не служат. Туда, обычно, только садистов набирают.

Вот тут я слукавил. Обычно, нам приходилось воевать всё больше с агрессивной фауной планет, но с людьми несколько раз тоже приходилось сталкиваться. По необходимости. Люди тоже разные бывают. А в экспедиционный корпус от-

бор строгий. Туда абы кто не попадает. А тем более садисты. Правда, пленнику об этом лучше не знать. Пусть думает, что я в экспедиционном корпусе людей пачками ел на завтрак, обед и ужин. А он, видимо, так и подумал. Вон, как его про-
няло. Даже побледнел.

– Что ты хочешь?

– Уже лучше. Какая у вас была задача?

– Взять тебя.

– Кто поставил вам эту задачу?

– Карраско.

– Почему он не сделал этого вчера, как только я приехал в город?

– Не знаю. Он приказывал просто наблюдать за тобой. Но, как только ты выпал из времени там, возле его резиденции, он прямо, как сбесился.

– Ну, надо же какой ранимый человек!

– Мы не люди, как и ты, и не надо нас так оскорблять! – вскинулся Сильвер.

– Ага. Ещё один ранимый. Ваша спецгруппа прибыла по мою душу?

– Нет. Нас прислали для того, чтобы поддерживать порядок среди наёмников. Но, будь уверен, уже скоро Карраско всю группу перенацелит на тебя. И тебе никуда не уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.